

ЕФРЕМ СИРИН

ТОЛКОВАНИЕ НА ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

преподобный Ефрем Сирин
Толкование на Ветхий Завет

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сирин п.

Толкование на Ветхий Завет / п. Сирин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Ефрем Сирин – один из великих учителей церкви IV века, христианский богослов и поэт родился в городе Низибии. Еще юношей он удалился в окрестные горы и стал отшельником. После взятия Низибии персами в 363 году преподобный покинул места своего отшельничества и поселился в монастыре близ города Едессы, где и оставался до кончины (ок. 373–379). Преподобный Ефрем Сирин сочетал с подвижническими трудами непрерывное изучение слова Божия, черпая в нем для своей души умиление и мудрость. Первое место среди сочинений Ефрема Сирина занимают его толкования на Св. Писание. Между экзегетами восточной церкви Ефрем Сирин занимает наиболее значительное место. Особенную цену его толкованием придает знание иврита, этнографии и географии Палестины.

Содержание

Беседа против иудеев, говоренная в неделю: Осанна	5
О свободной воле человека	14
1	14
2	16
3	18
4	19
На слова Исаии: Да возмется нечестивый, да не видит славы Господни (Ис. 26:10)	20
На слова Иеремии: Горе нам, яко согрешихом (плач. 5:16)	24
На слова из книги пророка Ионы: Востани и иди в Ниневию град великий, и проповеждь в нем по проповеди преждней, юже Аз глаголах тебе. И воста Иона и иде в Ниневию, якоже глагола Господь (Иона 3:2–3)	29
На слова: И сия рек, гласом великим воззва: Лазаре, гряди вон (Ин. 11:43)	44
Песнопения на Рождество Христово	49
1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ефрем Сирин

Толкование на ветхий завет

Беседа против иудеев, говоренная в неделю: Осанна

На великодаровитый праздник призваны вы, возлюбленные, принесите же дар хвалы призвавшему вас Премудрому.

На победную вечерю пришли вы, доблестные; как мужественные ратоборцы, воспримите в руки свои знамя.

Ныне вошли вы в пристань, богатую всякими благами, богатую внутренними существенными сокровищами; производите же духовную куплю.

Тихой пристани достигли вы, пловцы; с весельем вступайте в сию безопасную страну, в которой нет бурь.

На радостный праздник призывает вас Сын Царев, пришедший в нашу страну; выходите в сретение Ему с масличными ветвями и пойте: *осанна* (Мф. 21:9).

Господь празднеств и времен пригласил вас на праздник сей, Господь месяцев и лет созвал вас на день сей.

Ты научил нас, что воспевать Тебе в посвященный Тебе праздник; Ты наставил нас, что возглашать Тебе в день воспоминания нашего спасения.

Вместе с нами да радуются Ангелы, и да возгремят трубы их, вместе с нами да ликоствуют народы, и языки да воззовут: *осанна!*

В сей радостный праздник да исчезнут пред Тобой скорби наши, и скверны наши да заглядятся благодеяниями, какие Тобой совершены для нас.

В Тебе да упокоются души наши, забыв о скорбях своих; в Тебе да обновятся обветшавшие, состарившиеся и сотлевшие твари.

В Тебе да обретут крепость свою добродетели наши и да утвердятся в путях своих; Тобой, Господь духовных украшений, да украсятся Церкви наши.

Тобой, Творец человеческого нашего рода, да очищены будут души наши, и да благословятся поколения наши.

Освяти совесть нашу, соделай её чистой от зла, согради (созиди) разрушенные стены наши, защити их от врагов.

Украшь храмину состава (духа) нашего, чтобы пришли мы в первобытную красоту. Да славословят Тебя, Господи, горние, и небо, и земля, и все, что на них.

Тебя, Господи, да славят твари великолепием устройства своего, Тебя да восхвалят все ветры дивным веянием дыханий своих.

Вечному существу Твоему да возвещает хвалу все небесное, о нисхождении Твоем да радуются горние, да ликоствуют (празднуют, торжествуют) и славят Тебя глубины.

Море да радуется хождению Твоему, и суша – шествиям Твоим; да веселится и славословит Тебя естество наше, потому что в нем обитает величие Твое.

Разумными глаголами да славит Тебя немощный дух мой. Собор пророков да увеселяется хвалебным гласом детей.

Да ликует сонм апостолов при многообразных гласах всякого рода. Да радуются ныне небо и все лики духов.

Каждый по-своему да славит Того, Кто преклонил Свою высоту и нисшел. Ныне да хвалят Тебя превыспренние (поднебесные) воды, взывая: *осанна!*

Ныне дольные воды да приносят дар хвалений славному и великому имени Твоему.

Да ликовствует ныне твердь, да славит Вечного, Который преклонил небеса и сошел на землю обитать с земнородными.

Да радуется ныне солнце, да просветлеют еще паче лучи Его, славословя великое Солнце, освещающее миры и твари.

Да сияет ныне луна, красуясь величественным сиянием звезд, и в горней обители своей поклоняясь Превознесенному, благоизволившему снизойти долу.

Все звезды в великолепии своем да принесут ныне дар хвалений Творцу, украсившему их.

Торжествуй ныне земля, *взыграйте горы, как агницы* (Пс. 113:4), пред Сыном Царевым, Который смирил Себя и пришел посетить дольных.

Радуйся ныне море, веселитесь морские острова о Господе, Который из жилища Своего пришел в бедную обитель нашего человечества.

Да радуются ныне дубравы и ветви на деревьях своих, ибо срезаны с них ваия (пальмовые ветви) и служат прекрасным знамением. Да веселятся ныне четвероногие, да ликуют животные вьючные, потому что Небесный пришел в нашу страну и воссел на жребя (жеребенка) ослицы.

Наипаче же (более всего) ныне да веселится и да облечется в радость град Давидов, потому что Господь всей твари к нему обратил лицо Свое и входит в него.

Да веселятся ныне грады, да подвигнутся селения, взывая песенно с детьми, восклицавшими: *благословен Грядый!* (Мф. 21:9).

Вконец ныне опустошен и пересажен к язычникам виноград Возлюбленного, с посмеянием попирают его, в поругание обратился он и разорен. Разрушен и пал его оплот, разрушился высокий столп его от гласа восклицаний, как пал Иерихон от звука труб.

Ныне совершенно обновление виноградных лоз, которые устарели и повредились. На место их посажена лоза, выросшая у язычников.

Полевые звери озобали (опустошили) этот великий бесплодный виноградник, потому что приносил он не спелые гроздья, но кислые ягоды.

И прогневался Господин виноградника и огнем попалил леторасли (годовые побеги) его, заповедал облакам, чтобы не давали они дождя во время свое, чтобы засох, опустел виноградник, не было в нем ни плодов, ни зелени.

До того оскудели дождь пророков и духовная роса провидцев, что иссох источник Иаковлев, иссяк поток Израилев.

Срезаны в саду Авраамовом две лозы умашенные: царство и священство отняты у Израиля.

Тот, Кто соплетае венцы, расторг ныне венец Иудин, Господь из среды народа Своего удалил властелина и мужа почтенного, мудрого и советника, пророка и вождя.

В сетовании сидит ныне синагога, любительница празднеств. Поскольку презрела она праздник Сына, то и Он презрел и отверг её праздники.

Отнята ныне слава у народа Израильского; в посрамлении он у язычников, как Каин за преступление свое.

Много стало теперь расщелин в жилище Иаковлевом, потому что Здатель, соорудивший стены его, разорил и разрушил углы его.

Такую песнь воспоеет ныне синагога среди язычников: *наведе бо ми Господь сетование велико* (Вар. 4:9), одинокой оставил меня Господь, из наследия Своего удалил меня Господь, признал меня чуждой Ему вдовой, которая оставлена.

Да увеселяется ныне сонм наш сладкозвучными песнями пророков, да прозябнут (произрастут) в нем леторасли хвалений, да цветет он, подобно лилиям. Соберем ныне плоды из сада пророков и духовно насладимся сладостью их произрастаний.

Восплещите руками, язычники, в сей духовный праздник, воспойте: *осанна!* – Тому, Кто венчает ваши празднества.

Иаков придет (Быт. 49:11) и возвестит вам о *жребце осляти* и о *виннице* (виноградной лозе). *Младенцев и сосущих* (сосущих) побудит Давид к хвалению (Пс. 8:3).

Захария воскликнет Иерусалиму: *веселись и радуйся... дщи Сионя* (Зах. 9:9). Еще Исаия предвозвестил нам, указывая на учеников: *вот на горах ноги благовествующих правду* (Ис. 52:7).

Вшествие Его в Сион при громких восклицаниях (Мф. 21:9): *осанна!* – есть предызображение радости, исполненное тайн и сокровенного смысла.

Пред Ним спешают дети с ветвями в руках; *осанна!* – воспевают Ему чистые, невинные младенцы, в веселии окружает его лик (собрание) апостолов.

Его сопровождают святость, царское величие и священство, пророки на трубах своих возглашают пред Ним свои тайнозрения.

Как царю дары, приносят во сретение Ему хвалы и в разных чертах преднаписуют (изображают) Его образ.

Один говорит: «Вот Тот, о Котором вещал я, что при конце *придет на землю*» (Авв. 3:2). Другой вещает: «Стоящим на лестнице видел я Его» (Быт. 28:13).

Один говорит: «Это Тот самый, Которого видел я среди купины (куста) в виде пламени» (Исх. 3:2); другой повторяет: «Это *Бог... Чуден, Властелин... века*» (Ис. 9:6).

Один говорит: «Это Тот, Который с шумом, при сильных громах и трубном звуке, сошел на вершину горы, где и видел я Его» (Исх. 19:19). Другой взывает и говорит: «*Хвали Бога твоего, Сионе*, возьми цевницу (свирель) и гусли и воспой Ему песнь свою» (Пс. 147:1).

Один вещает: «Это Останок, собранный во Израили» (Ис. 10:20); другой возвещает: «Он есть *чаяние языков*» (Быт. 49:10).

Один говорит: «Вот стебель, Который прозябает и возрастает без семени»; другой продолжает и говорит: «Это *жезл из корене Иессеова*» (Ис. 11:1).

Один вещает: «Вот знамение, которое воздвигнуто будет народом земным» (Ис. 5:26); другой уподобил Его *агнцу пред стригущим* (Ис. 53:7).

Один говорит: «Не Тот ли это, Чье лицо узреть ожидают народы?» Другой восклицает: «Это Господь, Который нисходит и шествует по твердыням гор» (Ис. 2:2).

Один перечисляет великие дела Его и чудеса деяний Его, говоря: «Вот Тот, Кто разрешает связанных, исцеляет *сокрушенныя сердцем*» (Ис. 61:1). Другой вопрошает о имени Его; допытывается, как угодно Ему наименовать Того, Кто в горсти Своей содержит ветры: *кое имя Его?* – и: *кое имя Сыну Его?* (Притч. 30:4).

Один говорит: «Он подобен корню, растущему в *земли жаждущей*» (Ис. 53:2); другой взывает и говорит: «*Прежде солнца пребывает имя Его*» (Пс. 71:17).

Один говорит: «Это Отроча (Младенец), рождение Которого совершилось днесь» (Пс. 2:7); другой: «Он древен, древнее всех тварей» (Мих. 5:2). Один вещает: «Видел я Мужа, стоящего на высокой *ограде*» (Ам. 7:7); другой говорит: «Я наименовал Его Ангелом, в руке у Которого благовествование Отца» (Мал. 2:1).

Один спрашивает: «*Убо истинно ли Бог обитати будет с человеки?*» (2 Пар. 6:18). Другой говорит: «*Сей* есть Господь, *Бог наш*» (Вар. 3:36).

Один говорит Иерусалиму: «Восстань, *светися... прииде бо твой Свет*» (Ис. 60:1); другой взывает: «*Радуйся зело, дщи Сионя*, торжествуй и *проповедуй*, Иерусалим» (Зах. 9:9).

Один говорит: «Это – *Восток*» (Зах. 6:12); другой именует Его *звездой* (Ис. 10:17).

Один называет Его жезлом (Ис. 11:1); другой – Пастырем Израилевым.

Один говорит, что Он – Царь, а другой, что Он – вождь и советник. Один именует Его агнцем, а другой – всеожжением.

Один говорит: «Это – *Камень*, отторгшийся *без рук*» (Дан. 2:34); другой именует Его *Князем мира* и правды (Ис. 9:6).

Один говорит: «Это Тот, Которого видел я, как Он восшел на облака» (Ис. 19:1); другой говорит: «Я видел, что сидит Он на колеснице из Херувимов» (Иез. 10:18).

Один говорит: «*Видех Господа сидяща на престоле висоце, и воскрилия (края) риз Его наполняли святой храм*» (Ис. 6:1). Другие премудро начертывают иные таинственно прикровенные образы.

Один говорит: «Слышал я от Отца, как вещал Он: *приидите, и сошедше, смесим тамо язык*» (Быт. 11:7); другой возвещает и говорит: «*тебе глаголется, Навуходоносоре*» (Дан. 4:28).

Один говорит: «На меня возложено – идти и проповедовать о творении, что Господь изрек Единородному Своему: *сотворим человека по образу Нашему*» (Быт. 1:26).

Один изображает снисшествие (сошествие) Его, как тихо капающий дождь, и Марию также представляет наподобие прекрасного, чистого *руна* (Пс. 71:6).

Другой преднаписует его зачатие и изображает рождение Его (Ис. 7:14). Иной предуказывает путь Его, говоря: *правы сотворите стези Бога нашего* (Ис. 40:3). Такими вещаниями славословили Его, когда вступал в Иерусалим, и лик пророков славил вшествие Его в Сион. Дети и пророки присоединились там к ученикам, чтобы с торжеством и честью ввести Царя, и зывали: *осанна!*

С желанием встретила Его Церковь языческая и поклонялась Ему, Царю царей, но гневалась на Него блудница, скверная синагога. Не с радостью принимала Его она, хотя и предвозвестили Его пророки, и видела она величие Его и содрогнулась от Всевышнего, Который пришел к ней. Видела святость Его и вострепетала, потому что непотребствовала на стогнах (улицах). Безрассудно пренебрегла Им, потому что уничижен был по плоти, и презрела славу Его существа, сокрытую в Его Божестве.

Сын Иессеев, Давид, предвозвещал, что слава Его сокровенна; *во светлостех святых* (Пс. 109:3) из недр вечно Сушаго рожден Тот, Который воссел на обнаженном хребте жребяти осли.

Сокровенно Отец родил Его в начале в сущности Своей, и как один из нас открылся Он в начале лет и времен.

Клятся Господь и не раскается о Сыне Своем возлюбленном; «Ты духовный Иерей... по чину Мелхиседекову» (Пс. 109:4).

Сей точный образ Его по человечеству начертал Давид в песнопениях своих и ясно изобразил Его, ибо представлял себе человечество Его, в которое облекся в пришествие Свое, и в котором вечному Первосвященнику назначено священство и Царство непреходящее.

Ты Иерей во век... власть Твоя – власть вечна, и Царство Твое – в роды и роды (Пс. 104:4. Дан. 4:31).

Такими превосходными красками, растворив их сокровенностью Божества, очам Иерусалимской дщери живописует Давид образ Царя славы.

Пророки зывали к ней: «*Слыши... и виждь, и приклони ухо Твое к хвалебному гласу детей, и забуди злочестие твое и злочестие народа твоего, и упорство дома Отца Твоего. И возжелает Царь доброты Твоя, вожделеет славы Твоей*» (Пс. 44:11–12).

Не уважила она гласа пророков и проповеди апостолов, не *приклонила уха* своего к хвалению детей и младенцев эта прелюбодейца (виновная в грехе прелюбодеяния).

И поскольку не слушала она и не радовалась радости и прославлению, то написал Он разводное письмо и отдал этой презренной и оскверненной, снял покрывало с главы её и стыдливость с очей её.

Снял с неё украшения, совлек с неё и отнял одежду её. Снял убранства с выи её, снял ожерелья и цепи.

Как блудницу и прелюбодейцу, отринул от Себя, изгнал из Своего чертога, и вот, сидит она без покрывала, обнажена и посрамлена глава её. Так вещал им в ярости Своей и гневом Своим *смяте их, и исполни лица их безчестия* (Пс. 82:16–17).

Воспламенился яростью на Иерусалим и обратил его в пустыню. На сие указывая, взывает пророк Исаия: *яко кущу в винограде* и как оставленную хижину оставит Господь Иерусалим (Ис. 1:8) за злочестие его.

И если бы Господь Саваоф не оставил малого останка (остатка) для сонма (общества) дома Израилева в прозябшем жезле Иессеевом, *яко Содомы были быша, и Гоморру уподобилися быша* (Ис. 1:9).

Но теперь он воображает, что будет ему восстановление. Этот народ, прогневавший Бога делами и поступками своими, ожидает и желает времени, в которое получит он удовлетворение.

Читает этот неразумный пророков и не понимает слов их. Как скоро слышит о восстановлении, возвышает голос свой и вопиет: «Иерусалим возрадуется снова» (Ис. 49:17). Еще и еще слышит это, потому что желает этого, а за что был razoren Иерусалим – не знает того Еврейское племя.

Велия будет слава Его (Агг. 2:10) – повторяет он непрестанно, а как это совершится – не знает; воображает, что будет имя его славно (Ис. 66:22), а через кого делается славным – не знает того.

Говорит, что назовется он *градом избавленным* (Соф. 3:1), но кто избавит его – не разумеет того.

Присовокупляет в неразумии и говорит, что Иерусалим соделается именитым и славным (Ис. 56:6), но через кого и как – не говорит этого, потому что лишился разума своего, *одебеле бо сердце* его, *тяжко слышит Израиль ушима своими* (Ис. 6:10), не уразумеет всего написанного.

При вшествии Спасителя нашего громким гласом взывал пророческий лик: «Сей есть Тот, о Ком вещали мы, что приидет и воссядет на жребя ослицы. Встань, выходи во сретение Его, восклицая: *осанна!* И ударяя в тимпаны, веселись и радуйся!»

Но неразумный народ, как скоро услышал хвалебный клик: *осанна!* – вознегодовал, пришел в смятение и принуждал детей умолкнуть, потому что воедино сливался глас апостолов и детей.

И Ветхий Завет согласно и радостно восхвалял Спасителя, лик пророческий восхвалял Его в лице детей, а лик апостольский – в собственном своем лице.

Так о Христе исполнились пророчества пророков и апостолов, совокупно восхваляют они Господа как Творца и пророков, и апостолов.

Иудеи же не только отвергли оба Завета, но поругали Отца, по ненависти убили Сына.

Пророк призывает весь сонм дома Израилева прославить Его, они же готовятся к убийству, спешат совершить злодеяние. *Небеса поведают славу Божию* (Пс. 18:2), но синагога не согласна на то; земля дивится снисхождению Его, но Иудеи не обращают на это внимания.

Все тайны пришли в исполнение, а Иудеи утверждает, что они еще не исполнены. Чему надлежало совершиться, то совершилось, а он отрицает, что даже и началось сие.

Преобразования, какие преднаписаны были прозорливцами, привел в исполнение и совершил Спаситель наш, а народ упорный и жестоковыйный клянется и утверждает противное.

Не совершилось еще ничего нового, все тайны блюдутся еще до времени, как говорите вы. Долго ли же не захотите умудриться, неразумные?

Придите, исследуем, как должно, пророческие изречения, посмотрим, исполнились ли тайны, предсказанные пророками?

Иаков благословлял Иуду, говоря ему так: «Не отыметя у тебя скипетр и истолкователь закона *от чресл твоих, дондеже придет Пастырь*, Которому принадлежит Царство: *и Той чаяние языков*, потому что избавит их от заблуждения» (Быт. 49:10).

Привяжет к лозе жребя *Свое* и к винничю жребца *осляте Своего* (Быт. 49:11). Пусть вникнет здесь и умудрится мятежный Иудей.

Ежели есть у Иуды скипетр и истолкователь закона *от чресл его*, то не исполнилось еще, что написано, и доселе не совершилось сие.

А ежели и скипетр отнят, и пророк онемел, то постыдись, народ Иудейский, доньне упорствовать.

Если бы не воссел Он *на жребца юна*, как пророчествовал Захария (Зах. 9:9), если бы не восхвалили Его младенцы, как изрек Давид (Пс. 8:3), если бы не отъял Он царства у Ефрема, как было предречено, если бы не беседовал Он с язычниками (и именно так, как было о сем написано), то могли бы на земле не верить, что Он – вечный Царь.

Если же совершил Он все сие, исполнил тайны и сказания, то устыдись опять, Иудей, как скоро слышишь от Бога: *вы не людие Мои, и Аз несмь Бог ваш* (Ос. 1:9).

Народ Божий заменен язычниками, близкие заменены дальними. *Расточу тебя в языки*, – сказал Господь Израилю (Иер. 9:16).

Без цены продал Я тебя (Пс. 43:13) и не обмену опять (не приму назад), потому что смесился ты с язычниками и навыв делам их (Пс. 105:35).

Вот, отвергаю его и призываю к Себе язычников, в Сионе полагаю избранный *Камень претъкания* (Ис. 8:14), *и веруй в Онъ не постыдится*, – глаголет Господь (Ис. 28:16).

И еще один пророк говорит, что видел Господа, сидящего *на ограде адамантове, и в руже Его адамант*. И Господь явственно сказал пророку в откровении: *се, Аз учиню адаманта среде людий Моих Израиля* (Ам. 7:7–8). А Давид еще прежде сказал, как исполнит Он все преобразования (ранее предначертанное): *Камень, егोजе небрегоша зиждуциши, сей бысть во главу угла* (Пс. 117:22).

Познай же, Еврей, что Господь соградил Иерусалим, воздвиг крепкие стены его и чад его благословил миром.

Помянул Господь милость Свою и по великим щедротам Своим приял его.

Как мать утешает сына своего, чтобы забыл он скорбь свою, так Господь утешал Иерусалим, говоря ему: *за гнев бо Мой поразих тя*, но по вечным щедротам приму тебя (Ис. 60:10).

За срамоту твоего опустения и за поругание, когда Я был на тебя во гневе, вознесу главу твою среди язычников и возвеличу славу твою и честь твою.

Поскольку называли тебя градом неверным, исполненным скверн, то пролью в тебе драгоценную кровь Мою и сниму с тебя неправды и грехи твои.

И поскольку лишился ты Израиля, которого отверг Я от лица Своего (Иер. 7:15), то отверзу врата твои в радости, и войдет в тебя *сила языков* (Ис. 60:11).

И соделаются они в тебе народом избранным, воцарится Господь над Сионом, придут многочисленные народы и *восхвалят Меня во Иерусалиме* (Иер. 4:2).

И яко земля растящая плоды, и яко вертоград семена своя прозябает: тако возрастит Господь правду... пред всеми языки (Ис. 61:11).

В этот день скажут народы: *се, Бог... Спас наш* (Ис. 12:2), *се... Господь со крепостию идет* (Ис. 40:10). Он избавит нас от скорби.

И прозовут тя именем новым, имже Господь наименует тя (Ис. 62:2).

Сион же, горько рыдая, *речет* тогда: *остави мя Господь*, потому что прогневал я Его, *Бог забы мя* и отверг меня (Ис. 49:14).

Еда забудет мать грудное дитя свое, *еже* (чтобы) *не помиловати изчадия* (сына) *чрева своего*, не приласкать и не обнять любимый плод, который ею рожден? (Ис. 49:15).

Аще же и забудет сих жена, *но Аз не забуду тебе* во век. *Се, на руках Моих написах высокие стены твоя, Иерусалим* (Ис. 49:15–16).

Прощена теперь неправда твоя, по смирении твоём скоро будешь возвеличен. *Се, Аз уготовляю тебе анфракс* (рубин) *камень твой* и *на основание твое сапфир*. *И положу забрала твоя иаспис* (яшма), *и врата твоя камене кристалла, и ограждение твое камене избранное* (Ис. 54:11–12).

Средину твою, Иерусалим, наполню богатствами, сокровищами и драгоценностями, ясписами (яшмой), жемчужинами, кристаллами и вириллами (бериллами). Агатами наполню жилища твои и лучшим золотом чертоги твои, и будут *вся сыны твоя* и дщери твоя *научены Богом* (Ис. 54:13).

Умножатся мир в чертогах твоих и правда на стогнах твоих. Пред лицом многих народов освящу тебя и вселюсь в тебя.

И пойдут людие светом твоим, и языцы светлостию твоею (Ис. 60:3). Ко славе Моей дал я тебя среди народов и к прославлению Моему среди языков (Ис. 63:7).

Вот, расширю в тебе кущу Мою, посреди тебя водружаю колия (колодцы) Мои. Распространю и расширю узлы (ветви) твои, раскину в тебе покровы Мои (Ис. 54:2).

Среди тебя *будет вселение Мое, и дам освящение Мое, и во век буду тебе Бог* (Иез. 37:27). *Зде вселюся, яко изволих, и ловитву его благословляяй благословлю... и возвращу рог Давидови*, и спасение Мое не отступит от него (Пс. 131:14–17).

За то, что Иерусалим пришел в смятение от восклицания младенцев, Церковь соберет младенцев, и восхвалят они Меня своими: *осанна!*

И поскольку созвала она младенцев славословить Меня на стогнах (площадях) своих, призову к ней силу язычников, и воспоют Мне: *осанна!*

Иерусалим и чада его воскликнут: *благословен Грядый!* Горе и долу: *осанна Сыну Всевышнего Отца.*

Благословен Снисшедший, по любви Своей, спасти человеческий род! Благословен Царь, обнищавший, чтобы обогатить нищих!

Благословен Грядый исполнить предсказания и преобразования пророков! Благословен Возвеселивший тварей богатством и сокровищами Своего Родителя!

Благословен Тот, Кому и немощствующие существа воспели хвалебную песнь: *осанна!*

Благословен Тот, Кому дети воздали новую хвалу в песнопениях!

Благословен новый Царь, Который пришел и прославлен новыми чадами! Благословен Тот, Кого младенцы своим лепетом восхвалили среди учеников!

Кто не подивится любви Твоей, Господи, которая побудила Тебя к такому снисхождению? Колесница Херувимов готова с благоговением носить на себе славу Твою.

И убогое жребя носило на себе великую и святую силу Твою, которая по милосердию своему снизошла к нам, чтобы возвеличить нас миром Своим.

Уста мои да поведают правду Твою в сей радостный день; язык мой да вещает славу Твою в сей праздник благословений!

Да торжествует душа моя в сей праздник, в который возвеселились твари; ветвь славословия да предносит дух мой, восклицая: *осанна! Осанна!* – воскликнули Тебе дети, идя впереди жребя, на котором восседало Величество Твое. И мы вместе с детьми воскликнем Тебе: *осанна сыну Давидову!*

Младенец лепечущим языком, как доброречивый, возносил хвалу, восклицая: *осанна!* Так не восхваляли Его никогда и пророки.

Дети, воспевшие Сына, привели в изумление старцев, которые видели Сына и не прославили Его.

Помышления мои да восхвалят Тебя, Господи, но не как неразумные дети; лучше восхваляю Тебя, подобно сонму учеников, видевших силу Твою, и возвеселюсь о Тебе, подобно детям, в сердечной радости вознесшим свой глас.

Господь наш в день сей вошел в Иерусалим, царственный град, и унижил Себя, воссев на жребя, чтобы возвысить человеческую низость.

В горней стране оставил Он Серафимов, которые святолепно славословили Его и Отца, и приял хвалу от детей и младенцев, чад Иерусалима.

Ныне Господь наш вошел в Сион и воссел на жребя. Это предвозвестил Захария: *се, Царь твой грядет тебе, праведен и... кроток и всед на... жребца юна* (Зах. 9:9), и дети зывают Ему: *осанна Сыну Давидову!*

Благословен Грядый! Хвала Ему и пославшему Его Отцу! Перед величием Его зывают Херувимы: *благословен Господь от места Его* (Иез. 3:12), и дети с масличными ветвями славословят Его, восклицая: *осанна!*

Ныне уничижил Себя Творец всех миров, оставил Он горную страну Херувимов и воссел на убогое жребя.

Благословен Господь пророков, Который пришел и исполнил слова их! И дети вместе с учениками восхвалили Его, увидев смирение Его.

Дети, не научившиеся еще человеческому слову, из матерних недр воспели хвалу, увидев восседшим Его на жребя.

Воссел Он на жребя и вступил в Иерусалим, но Иерусалим жаждал крови, увидел Его и позавидовал безрассудно, ибо видел, что Он смирен и неукрашен.

Благословен Царь, Который уничижил Себя и воссел на убогое жребя! Но Сион, увидев смирение Его, посмеялся над Ним и не принял Его.

Серафимы – в страхе пред величием Его и не смеют взирать, а дети с учениками воспевают Ему хвалебную песнь: *осанна!*

Херувимы трепещут пред величием Его и носят на себе колесницу Его, а ученики уготовали Ему убогое жребя, и Он воссел на нем.

Достоин удивления, как Сын Царев уничижил Себя среди земнородных и вместо огненной колесницы воссел на жребя.

Огнезрачные трепещут пред Ним, сидящим на превознесенном престоле у Отца, а младенцы с любовью воспевают Ему: *осанна Сыну Давидову!* С тимпанами славили царя Давида Израильские дщери, и Сына Давидова восхвалили дети, восклицая: *осанна!*

Постилали одежды пред жребятем Царя царей, Который отказался от коней и колесниц и избрал Себе презренного подъяремника.

А сим исполнилось слово Захарии, который пророчествовал дщери Сионовой: *се, Царь твой грядет... всед на... жребя, сына ослицы.*

Пред Божиим кивотом играл царь Давид, и пред жребятем Сына Давидова дети с ветвями в руках воспевали хвалу.

Посмевалась (издевалась) над Давидом Мелхола (2 Цар. 6:4–16), и безрассудные старцы посмевались над детьми, и жестоковыйные начали вопиять, чтобы привести в молчание гласы хваления и восклицания сонма учеников, прославлявших пришествие Царя царей, Который уничижил Себя и воссел на убогое жребя.

Царь царей вступил в Свой град при подобающих Ему хвалебных песнопениях, а отверженная синагога спрашивала: *Кто есть Сей?* и что говорят о Нем? (Мф. 21:10).

Видела она сонмы прославлявших его с зелеными пальмовыми ветвями в руках, и зависть уязвила безрассудную, хотела она принудить детей, чтобы умолкли.

Господь всей твари в смирении вступил в Сион, но этот змий, друг прелюбодеев, не воспрянул от сна своего.

Благословен Оставивший на поправление высокомерную синагогу, которая не приняла Его, и Избравший Себе Святую Церковь! И Ему восписуется хвала в восклицаниях: *осанна!*

Прииди лик пророков, провозвестников того, что исполнилось ныне, смотрите: Царь не уклонился от пути, какой проложили вы Ему!

Встань Давид, взирай на Него, Давидова Сына; смотри, как предвозвестил ты о Нем: младенцы и даже ссушие (грудные) воспевают Ему: *осанна!*

Возобновлена хвала, которую исказили старцы и фарисеи, невинные дети заимствовали её у учителей истины.

Встань, посмотри на учеников своих, на прекрасный лик детей, они в простоте восклицают: *осанна Сыну Давидову!*

Старейшины отказали в торжестве, с каким должны были встретить Царя, а невинные, непорочные дети возгласили Ему: *осанна!*

Что спишь, сын Иессеев, встань сегодня, возрадуйся с нами, принеси с собой цевницу свою, воспой Святой Церкви.

Забуди люди твоя, и дам отца твоего. И возжелает Царь доброты твоя (Пс. 44:11–12). Поскольку презрела Его дочь Еврейская, то приняла Его дочь языческая.

Как приятна мне песнь твоя и сладостны звуки цевницы твоей! Даже невинных младенцев научила она воспеть хвалебные песни. В Сион поспешил Давид, раздались звуки цевницы его, присоединились к нему дети, и научил он их воспеть священную песнь.

Благословен грядый во имя Господне (Пс. 117:26), – провозгласил Давид в песне своей. И вслед за ним воспели непорочные: *Благословен грядый!*

Встань и ты, Захария, пророк и славослов, потому что исполнилось пророчество твое: вот, воссел Он на жребя, как сказал ты, и на сына ослицы, как предвозвестил ты.

Возгласи блуднице, чтобы выходила она, если хочет, во сретение Жениху, а если не хочет, то пусть присылает детей, которые воспоют Ему: *осанна!*

Ликуй и радуйся зело... *дщи Иерусалимля*, ибо Царь твой грядет к тебе; восхвали Его, *дщи Сионя*, ибо Царь твой восседает на жребяти осли. Он потребляет *кони от Ефрема и колесницы от Израиля* (Зах. 9:9–10) и проповедует спасение и мир всем народам, верующим в Него.

Встань, старец Иаков, и славословь; Он запечатлел тайны твоих благословений, привязал *жребя Свое к лозе и жребца осляте Своего к винничю* (Быт. 49:11).

Встань, Святая Церковь, встречай, славословь Жениха восклицаниями: *осанна!* С младенцами и ссущими воспой хвалу среди язычников в этот праздничный день Спасителя нашего, Который пришел и избавил тебя от заблуждения!

О свободной воле человека

1

У кого из людей достанет сил одним духом поведать все долготерпение Твое, с каким переносишь вины наши? Если грешим мы, то преисполняемся беззакониями, а если поступаем хорошо, то надмеваемся гордостью.

Без милосердия раздражаемся друг на друга. Если возвышается кто, то завидуем ему. Если падает кто, то радуемся этому. И насколько сокращена жизнь наша, настолько удлинен ряд наших грехов.

Сократил Ты продолжение жизни нашей, самая большая мера её – семьдесят лет, но мы грешим перед Тобой в семьдесят крат седмицею. По милосердию сократил Ты дни наши, чтобы не удлинялся ряд грехов наших.

Прибегаю к Твоему милосердию, покрывающему правду Твою. Человек нечистый ненавидит подобного ему нечистого, но Ты свят, Тебя не возмущают грехи наши.

Дивлюсь правде Твоей, что не входит она в состязание с милостью Твоей, потому что в такой же мере возрастают щедроты Твои, в какой растут наши скверны. Дивлюсь также, почему одна не жалуется на другую, что не гневается она на прогневающего Тебя?

Вполне совершенными сотворил Ты нас, без меры повредили мы сами себя. Ты научил нас правому, а мы стали поступать превратно, изгладили в себе преимущества природы своей. Ты образовал нас из персти (праха), мы совлекли с себя образ Твой и подобие Твое.

Так, дивлюсь той и другой, изумеваю (изумляюсь) пред милостью Твоей и пред правдою Твоей. Если случается нам стать виновными перед ней, – умоляем её не отмщать нам, а если случится человеку стать виновным перед нами, – требуем от нее не отвращать от него очей своих.

Правда же Твоя, если человек прибегает к ней с жалобой на должника своего, предварительно взвешивает данный ему залог и вместе долги его, с тем, чтобы сам уплатил сперва, а потом уже требовал отмщения.

Если человек прибегает к ней (правде), прося оставления долгов, сама поспешает к нему и приводит его к должнику его. И кто простил должнику своему, тот и сам получит от нее отпущение долгов.

И пощадку видит от нее, и осуждается ею лукавство наше: пощадку видит, если молит о прощении долгов своих; осуждается, если требует отмщения; тогда и само терпит отмщение.

Свободная воля наша с ухищрением приступает к правде Твоей. Если случается самой погрешить против правды, указывает на свою немощь, а если погрешает кто против нее, указывает на его несправедливость.

Не примечает она, что одно уничтожается другим, что если человек немощен и желает себе помилования, то и должник его также немощен и просит о помиловании.

Мы погрешаем, и погрешности слагаем на того, кто не погрешает. Если немощно естество наше, то не виновен тот, кто погрешил против нас. А если естество наше не немощно, то слишком многого требуем мы для себя.

Правда умеет обличить нас нами же самими, тем, что в нас; ежели это – немощь, то она защищает всех нас, а ежели это – сила, то она против всех нас.

Если знаешь, что враг твой в состоянии не иметь к тебе ненависти, то этим собственной своей свободной воле предписываешь, что и она может не грешить. Если у него есть возможность, то и у тебя есть силы – избирать.

Если уверены мы в растлении немощи своей, согрешившей против Бога, то этим доказывается нам также растление в немощи того, кто согрешил против нас.

Если человек удостоверен, что заслуживает помилования, как немощный, то невиновен перед ним и согрешивший против него. И наоборот, если обвиняем согрешившего против нас, то обвинение наше делает ответственными нас самих.

Природа свободной воли во всех людях одна. Если сила её немощна в одном, то немощна и в каждом человеке, а если крепка в одном, то крепка и во всех сынах человеческих.

Сладкое по природе – сладко здоровому, а больному горько. Так и свобода воли горька грешникам и сладостна праведникам.

Если кто хочет исследовать природу сладости, то старается изведать и узнать её не в устах больного, когда он болен; потому что только здоровые уста – такой сосуд, в котором может быть познан вкус.

Подобно этому, если хочет человек исследовать силу свободной воли, то не должен исследовать её в человеке нечистом, который болен и осквернен. Только чистый, который здоров, будет таким сосудом, в котором может быть исследована сила свободной воли.

Если больной принужден сказать тебе, что сладкое – на его вкус горько, то смотри, насколько замучила его болезнь и смогла подавить в нем чувство сладости, источник приятного вкуса.

Равным образом, если нечистый принужден сказать, что сила воли его немощна, то смотри, в какой мере утратил он упование, так что сам себя лишает свободы, этой драгоценности в человеческой природе.

2

Сыны человеческие – все в непрестанном борении. Кто далек от чувственных вожделий, тем движет гордость, а кто свободен от высокомерия, тот служит маммоне.

Если человек сможет одержать победу над собой, соделав себя чистым и непорочным, то он может уличать в грехе того, кто низложен грехом. И низложенный, если бы захотел только, наложил бы узду на члены свои.

Сердце грешника лукаво; когда твердо стоит он в том, что нечистота в собственной его воле, тогда льстиво говорит об этом перед Творцом. Покаяние, сокрытое в человеке, служит достаточным его обвинением.

Если бы природа его была гнусна, то как бы могло скрываться в нем покаяние, которое прекрасно? Через покаяние является человек прекрасным и благородным и избегает скверн, а потому красота сия, сокрытая в его внутренности, уличает его в том, что сам он виновен в своей нечистоте.

Если человек, хотя бы ненадолго приблизится к огню, то узнает свойство огня, а именно: сила его – в нем; то же должно сказать и о свободной воле: сила её в ней самой. Но природа огня всегда связана, а сила воли всегда свободна: то завидует и пламенеет, то страшится и леденеет, то покоится, то кипит.

Если человек с конца перста своего вкусит морской воды, то узнает, что море, как ни велико, все горько. Так по одному человеку можно судить о всех.

Не трудись подвергать рассмотрению всех людей, – могут ли они в борьбе со злом преодолеть зло; если может преодолеть один, то могут и все.

Если возьмешь одного Ноя, то он может обличить в виновности всех своих современников; если бы только они захотели, – были бы счастливы. Сила свободной воли была одинакова и у них, и у Ноя.

Если ближнего своего, согрешившего против тебя, подвергаешь ответственности за то, что согрешил он против тебя, то тем уличаешь самого себя; и ты был в состоянии не грешить ни против ближнего своего, ни против Бога.

Грешник, по произволу своему, извращает слова свои. Если сам он пал и погрешил, то представляет свою немощь, а если пал ближний его, – говорит о силе воли.

Если подслушаешь молитву грешника, то и здесь найдешь двоякость. Она свидетельствует, что собственная сила его немощна, а сила воли ближнего – тверда и гораздо крепче, нежели его. Забывает собственные свои вины и приносит жалобу на провинившегося перед ним.

Что же хочет допустить человек из того и другого? Допускает ли он немощь? Тогда молит и за ближнего своего. Допускает ли он силу? Тогда прогневляет Судию. То, что человек допускает (одно из двух), то и будет причиной общности между ним и виновным перед ним. И немощь у них общая, и сила избирать общая.

Пусть идет прямым путем и оставит пути кривые, чтобы прийти ему к правоте. Если просит кто-то у Бога оставления грехов своих, то о том же пусть просит и за ближнего своего. Если призывает Бога отмстителем, то Бог – и его Судия.

Самого себя дает человек в залог за то, чего желает себе. Если желает, чтобы Бог милосерд был к нему самому, то не должен быть жесток к своему ближнему. На среду предложены различные доли для выбора.

Если кто взывает к Дарующему оставление, то тем освобождает от вины и того, кто перед ним виновен. А если взывает к Отмстителю, то лишился уже Дарующего оставление. Ближний его во всех отношениях однороден с ним.

Где милость, – там должники человека, и где правда, – там грехи его. Если хочет умолять о своих грехах, то пусть приносит вместе молитву за должников своих. Если приступает к милости, то разрешает должников своих, а если приступает к правде, то приводит на память грехи свои.

3

Сподоби меня, Боже, славословить Тебя, если позволяют мне это грехи мои, но известно Тебе, Господи мой, что неотступность дает нам победу.

По троекратному удару отворяется дверь, неотступность наша и побеждаемая побеждает; чего с дерзновением просит, то получает ради своей бедности и бывает сильна своей немощью.

Не затворена дверь Твоя, не затворена она и для меня. А если и бывает для нас затворена, то по премудрости Своей делаешь это, Господи мой, и хитро устрояешь сие ради нас же самих.

В том и другом случае дивлюсь премудрости Твоей и тому, что дверь Твоя, Господи мой, тогда только и может быть силой отверста, когда она затворена, и свободная воля наша есть ключ к Твоему сокровищу. Поскольку эта единственная для всех нас дверь, то дозволю отверзть нам её и войти в нес, пока не сокрылась она от нас.

Ко вратам правды, которая непреклонна, есть особенная и многими проходимая стезя милости; и милость, и правда – часто одна к другой приходят на помощь.

Милость Божия может и насильно соделать человека праведным, но она не уничтожает в нем силу рассудка, хотя и знает, что может соделать человека праведным.

И нам нисколько не нравится тот, кто при свете закрывает глаза свои.

Одно из двух должен предположить о нем тот, кто захотел бы вести закрывшего себе глаза: или у него младенчески детский рассудок, или это – жестокая и горькая насмешка. И хочет он перед видящими изъяснить свое пренебрежение к глазам.

Тому, кто взял бы на себя труд вести его, было бы стыдно, почему не заметил он, что у дозволившего вести себя есть глаза. Так и Бог, Который ведет человека со здоровыми глазами, не попустит ему поругаться над Собой и изъяснять пренебрежение к глазам, которые Сам Он дал нам.

Смотри, и это будет также неразумием, если человек имеет здоровые руки и не хочет ими владеть, то неразумен будет и тот брат, который прострет к нему руку, чтобы ею он ел или пил.

Как может употребить над нами насилие Бог, когда Сам Он дал человеку свободу? Кто хочет, чтобы вели его насильно, тот не достоин милости, и если наказывает его правда Божия, то сам он вынуждает её к тому своей порочностью. Вот, свободная воля подобна руке, которая может простереться ко всякому плоду. И как по собственному выбору могла прежде сорвать и взять себе плод смерти, так может сорвать и плод жизни.

4

Если по природе мы худы, то виновен Творец, а если свободная воля наша зла, то вся вина в нас.

Если нет у нас свободной воли, то за что волю нашу подвергать ответственности? Если воля наша не свободна, то несправедливо судит её Бог, а если она свободна, то по праву с нее взыскивает.

Требование отчета тесно соединено со свободой. Закон состоит в связи с тем и другим, ибо ответственности подвергается свободная воля, если она преступила пределы, указанные Судией.

Творцу, Который истинен, какая польза обманывать нас? Если Он не дал нам свободы, то не дал и никакого закона.

Если справедливо, что слышим о свободе, то можно и нам, и нас спросить: «Точно ли Творец наш дал нам свободу или нет? Если не дал свободы, то прилично войти нам в исследование, почему же не дал её? И если нет у нас свободной воли, то каким образом попустил Он нам говорить об этом?»

Вопросы и разыскания рождаются от свободной воли. Вопрос и разыскание – сестры и вместе дщери свободной воли.

Наперед уже можно за верное положить, что вопрос о воле ставится свободной волей. Нет даже и права спрашивать: «Точно ли есть свободная воля или нет её?»

Как скоро рождается в тебе вопрос о свободе, то спрашивается, кто предлагает в тебе этот вопрос? Твоя ли воля или другая сила? От другого ли кого исходит вопрос или возникает по твоей воле – ты должен знать это, потому что происходит это внутри тебя. Если же не знаешь ты ни того, ни другого, то не знаешь и того, что существуешь!

Лишенный всякого знания, ты говоришь странности, будто бы входит в нас орудие кого-то другого и этот другой посредством сего орудия предлагает вопрос. Один или многие спрашивают – это все равно. Заключение, какое делаем, только одно; заключение, произнесенное о тебе, простирается и на всех.

Если кто-то сомневается в свободной воле и спрашивает, точно ли она есть, то тем самым оспаривает он сам себя. Из самого вопроса видим, что, по природе своей, он сам себе господин. То и другое, о чем идет спор, заключено внутри него. Там сокрыто решение.

Если в твоей возможности – спрашивать, то значит, что спрашиваешь не по необходимости. Если бы лишен ты был способности задать вопрос, то был бы лишен и свободы. Природа, скованная необходимостью, спрашивать не может. Вопрос – дело существа свободного. Только не связанная необходимостью природа может спрашивать, ибо её воля свободна.

То и другое в ясности покажут тебе два подобия, и посредством легкого уразумеешь трудное.

Немой спрашивать не может, потому что язык его скован. Кто имеет дар слова, тот может спрашивать, потому что язык его не связан.

В немом, у которого язык скован, познай, что такое природа, связанная необходимостью. В имеющем дар слова, уста которого не связаны, познай, что такое свобода.

Как речь в устах ничем не связана, так не имеет на себе уз и свободная воля; каков скованный язык немом, такова и природа, связанная необходимостью.

У первого нет речи в устах, у последней нет свободной воли. Так из сказанного тебе мною познай свое достоинство, ощути свободу в существе своем.

Исследуй в себе силу души своей, всмотришь, имеешь ли её или нет. По себе и в себе можешь познать ты свободу.

На слова Исаии: Да возмется нечестивый, да не видит славы Господни (Ис. 26:10)

Если с чистым духовным оком читать Священное Писание и внимательно слушать слова его, то всякий уразумеет сказанное в нем. В трепет и в ужас приводят слова, прочитанные нами в этой книге, содрогается от страха всякий, кто выслушивает их с разумом. Страшное определение, изреченное на нечестивых, заключается в них. Сказано: *Да возмется нечестивый, да не видит славы Господни*. Нечестивый увлечен будет в такое место, где не слышно никакого хвалебного гласа.

Между тем, все взывает о Боге, ежедневно возвещает славу Его, и бессловесные твари не перестают славословить Его. *Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь* (Пс. 18:1). Земля изглашает Ему хвалу, море проповедует чудное Его могущество. Ничего не найдешь, что не славословило бы Господа Бога своего. И ничтожный комар возвещает славу своего Господа.

Куда же пойдет нечестивый, чтобы не видеть ему славы Господней? Куда отринут его, чтобы отдалить от зрения Божией славы? Взойдет ли он на небо? Оно отвергнет и не примет его. Захочет ли остаться на земле? Она не дозволит ему этого. Низринется ли в море? Оно извергнет его из себя. Поэтому думаю, возлюбленные, что из мира этого низойдет он во тьму кромешную, полную страха и ужаса, где нет славословия, где не раздастся хвалебный глас, потому что далеко она от Бога и Бог не попускает, чтобы там была слава Его. Мучения и стенания, скорбь и теснота, поедающий и неусыпный червь, палящий и неугасимый огонь заграждают уста нечестивым для всякой хвалы, для всякого славословия. Страдания не дают им ни видеть, ни говорить; от скрежета зубов уста не способны издать хвалебного звука. Язык, непрестанно взывающий «Увы!», не может изречь славословия; тьмой покрытые очи не видят света славы. У кого члены точит червь, тот ни о чем не думает, кроме своего бедствия; кого опалает геенна, тот и видит только её пламень.

Приступите же, грешники, восплачем здесь, чтобы не плакать там. Приступите, понесем скорбь и страдание, чтобы скорбь наша не усугубилась там.

Все праведные и святые скорбью и страданиями благоугождали Богу, слезами умиловляли Его. Девятьсот тридцать лет оплакивал Адам падение свое, удалившее его от Божией славы в раю. Повредилась красота ланит его от слез, проливаемых очами его; горячими потоками слез вызваны у него болезненные гнойные струпы. Также и Енох, который благоугодил Богу и не вкусил смерти, триста двадцать лет, смотря на Авелев гроб, носил в себе скорбь и печаль. Истлевшим, согнившим, обезображенным видел он первого мертвеца и горько плакал, обильные проливал слезы и преложен был, не вкусив смерти. Скорбел праведный Ной о грешном роде, ибо знал, что карающее правосудие истребит его водным потоком. Пятьсот лет хранил он девство свое в чистоте, и за это Бог сохранил его от погибели, постигшей человеческий род. Авраам, Исаак и Иаков бедственную и тяжкую проводили жизнь в мире сем, в бедах и искушениях и жили, и кончили жизнь.

Кто в состоянии описать искушение, постигшее Иова? Семь лет сидел он на гноище. Сколько плакал он, когда видел, как черви точат и поедают плоть его, и ничего не остается у него, кроме костей? Кто терпел столько, сколько он? Кто только слышит сказание о нем, у того скорбью наполняется дух. Ночными слезами омочал Давид постель свою (Пс. 6:7), пепел ел, как хлеб, и питье свое растворял с плачем (Пс. 101:10). Сколько слез пролито из очей Иеремии, этого мужа страданий, все дни жизни своей проводившего в плаче и слезах? Всякую меру превосходило сетование его, но он молил еще Бога, чтобы дал воду главе его и источник слез очам его (Иер. 9:1).

Иезекииль, который съел свиток, где *вписано бяше... рыдание и жалость и горе* (Иез. 2:10), поскольку должен был взять на себя неправды народа своего, триста девяносто дней (по еврейскому тексту) лежал он на обоих боках, согбенный грехами народа своего, дом его стал для него гробом, великие неправды народа опутывали его как бы оковами, и сто девяносто пять дней должен он был лежать на каждом боку (Иез. 4:4–9).

И о Самом Господе горних и дольных, всех пределов и концов, написано, что, по снисхождению Своем с небес, когда пребывал на земле, плакал Он об Иерусалиме. Не написано о Господе нашем, что смеялся Он, но написано то, что плакал и проливал слезы. Когда проследился Он над Лазарем, тогда плакал о всех умерших, потому что видел, как смерть разрушает и тлению предаёт образ Его. Как Благий, Он скорбел о возлюбленном образе Своем, потому что видел, как лишается он красоты и истлевает во гробе, делается страшным и ужасным.

Душа умерщвлена грехом; ей потребны скорбь, плач, слезы, печаль, громкие стенания о своем несчастье, которое низложило и погубило её. Рыдай, плачь и стнай о душе, потому что далекой стала она Богу, и Ему опять возврати её. Плачь о ней больше, нежели матерью, у которой смерть похитила и во гроб повергла сына и которая сетует о разлуке со своим возлюбленным. Ибо грех разлучает человека с Богом, и сожалеет благодать Его о том, что гибнет её образ, исполненный Божественной красоты.

Прискорбно тебе, если пропадет у тебя один вол, хотя и недолго владел ты им, однако же печалишься о его потере. Тем паче сожалеет Бог, когда гибнет Его образ. Душа много любезнее Богу всех созданных Им тварей. А грех делает её мертвой, и ты не понимаешь того, грешник. Скорби о себе ради Бога, потому что Он сожалеет о тебе. Грехом умерщвлена душа твоя, возврати её к жизни слезами. Возрадуй Бога, да возвеселится Он о том, что душа твоя возвращена тобой к жизни.

Есть птица, которая воскрешает птенцов своих, и как скоро умирают дети её, – возвращает им жизнь. Когда есть птенцы у этой птицы, – безмерно им радуется и, от великой к ним любви, объёмля (покрывая) их крылами, душит, и они умирают. Но как скоро увидит, что действительно они мертвы, нет в них ни движения, ни трепетания, целых три дня скорбит и печалится, не ест и не пьёт от сильной скорби и печали, не разлучается с ними и, как бы сберегая их, не двигается с места. А потом наносит себе рану клювом своим, проливает на них кровь свою и, по Божию устройению, птенцы её из мертвых делаются живыми.

Если же птица умеет возвращать к жизни птенцов своих, то и ты, грешник, воскреси душу свою, умерщвленную грехом. Если Бог жалеет пеликана и к жизни возвращает птенцов его, то кольми паче жалеет Он душу твою, которую не хочешь ты возвратить к жизни. Если Творец, видя пеликана, в скорби о птенцах своих желающего умертвить себя, сжаливается над ним и воскрешает детей его, то, конечно, когда грехом умерщвляется и разлучается с Богом душа, тем паче сожалеет Он о Своем разлучившемся с Ним образе. Потому плачь и сокрушайся о душе своей, разлучившейся с Богом. Он сожалеет о тебе, как мать о сыне своем единокровном.

Кто смеется над мертвецом, тот ненавидит родителей умершего, а кто скорбит и сокрушается, тот слезами доказывает любовь свою. Так, если кто-то радуется о себе, когда умерщвлен грехом, то ненавидит он Бога, Который скорбит и жалеет об этом. Бог скорбит и соболезнует о душе, сделавшейся мертвой, и потому, кто смеется и глумится при этом, тот причиняет Богу еще большую скорбь. Как тот, кто смеется и шутит при погребавших умершего, увеличивает их скорбь и печаль, так еще большую скорбь причиняет Богу тот, кто радуется о грехах своих. Не скорбит столько отец, погребавший любимого сына, сколько жалеет Бог о душе, умерщвленной грехом. Оплакивай же душу свою и докажи любовь свою к Богу, Который Сам скорбит и жалеет о душе, умерщвленной грехом.

Бог жалеет о смерти души, которая есть образ Его. Поэтому, кто радуется при этом, а не соболезнует, тот совершенно подобен сатане. Кто приближается к мертвецу, тот, видя совершаемый над ним плач, сам сокрушается духом и плачет с плачущими. А когда умирает душа

от греха, плач о ней доходит до неба, и Небесные Силы сетуют, скорбит и Сам Бог. Поэтому, кто радуется при этом и не плачет о душе своей, тот подлинно человек погибший, он не знает, что есть у него душа.

Плачь, грешник, о душе своей, проливай о ней слезы и возврати её к жизни. Воскресение её – в очах твоих, восстание её – в сердце твоём. Ты мертв и не плачешь об отшедшей душе твоей? Плачь сперва о душе своей, а потом плачь и о других. Плачешь ты о мертвом теле, с которым разлучилась душа, а не плачешь о душе, которая умерла и разлучилась с Богом. Слезы, льющиеся на мертвую плоть, не возвращают её к жизни, а если они пролиты о душе – воскрешают и возвращают её к жизни. Не ради плоти даны тебе слезы, скорбь и печаль, но ради души дал тебе их Бог, чтобы её возвращал ты ими к жизни. В дар Богу принеси плачь, источи слезы из очей своих; твоими слезами и Божией благодатью мертвая душа твоя возвращена будет к жизни.

Вот, Милосердый ожидает, чтобы пролил ты перед Ним слезы из очей твоих, и ими очистит и обновит Он поврежденный образ души. Ты умертвил душу свою, ты и возврати се от греховной смерти. Не другой кто умертвил и погубил тебя; твоя собственная воля убила и низложила тебя. Если бы другой умертвил тебя, ему надлежало бы и восставить тебя. Но поскольку собственное твое изволение умертвило тебя, то этому же самому изволению должно и восставить тебя. *В празднестве рук прокаплет*, падет и разрушится *храмина* (Еккл. 10:18), – так учит тебя Екклесиаст. Воссоздай же свою запустевшую и падшую душу. Когда упадет дом твой – не станет другой созидать его; если сам не восстановишь жилища своего – навсегда останется оно в развалинах. Грехом довел ты до падения душу свою – воздвигни её покаянием; гнусными неправдами низложил ты её – восстанови её добрыми делами. Если умерщвляешь ты грех, то можешь сказать, подобно Богу: *Аз убихо и жити сотворю* (Втор. 32:39). Убиваю грех, чтобы не владычествовал он в членах моих, и к жизни возвращаю правду, когда делаю доброе; поражаю ненавистную неправду, изгоняю её из души и исцеляю душу правдой и непорочностью.

Рассыпаны в мире душевные помышления, как сухие кости, собери их воедино и оживотвори при Божией помощи. *Прорцы*, как Иезекииль, на сухие, подобно костям, помышления твои; возгласи им слово Бога, Оживотворителя мертвых; облеки кости сии в кожу, неленостным духом и твердым умом совокупи их в Боге; прорцы и взывай духу, чтобы вошел он в мертвецов, и *оживут*. *Вдуни в ня дух жизни* (Иез. 37:4–10) – Божественное учение. Близ челюстей ада, где водворяется убийца-грех, рассыпаны кости души – её помышления, рассеянные по земным предметам; воззови к ним, воздвигни и воскреси их, покажи изумительное чудо и в восстании своем изобрази то воскресение, которое видел Иезекииль.

Если радость бывает на небесах о грешнике, который обращается, притекает к покаянию и приемлется Богом, то скорбь бывает о грешнике необращающемся, и Бог весьма жалеет, если не притекаешь ты к покаянию. Возвратись же к Нему, – и радость доставишь веселящимся о тебе Ангелам.

Кровью Сына Божия искуплена грешная душа твоя, потому что все миры не могли быть достаточной за тебя ценой: и земля, и море, и все, что на них, – малая, в сравнении с тобой, цена. Все горние чины, которые суть пламень и дух, не приняли на себя смерть для твоего искупления. Возлюбленного Сына Своего предал Отец за тебя на смерть, как искупительную цену. Единородный Он Сын, но Отец не пощадил и отдал Его взамен тебя. Твоей ради жизни предал Он на смерть Начало всего живущего; Того, перед Кем трепещет смерть, Отец связал и поверг смерти; она пригвоздила Его ко Кресту и гвоздями написала рукописание долгов твоих. Смотри же, какой ценой искуплен ты! Не утраться для Купившего тебя! Жизнь Его обвиняет твою жизнь, если живешь в грехе. Смерть Его вопиет против твоей смерти, если творишь дела смерти. Драгоценная Кровь Его вопиет к престолу Божества, что пролита она за тебя, а ты гибнешь от греха. Кто купил себе раба, тот, если погибнет купленный им, теряет не только раба, но и данную за него цену. Так и страдание, и смерть Бога от нашего нерадения остаются

бесплодными для нас, потому что Он отдал Себя ради души твоей, а ты не избавился от смерти. Не пощадил Он Сына Своего возлюбленного, но за тебя предал Его на смерть; если гибнешь ты от греха, то оскорбляешь Искупившего тебя. Данной за тебя ценой – страданием и смертью Бога – упразднена смерть. Поскольку для жизни куплена душа твоя, то жизни твоей да не губит смерть.

Душа, которая живет в Боге, и другим может уделять жизнь. Если хочешь слышать, то вот и свидетельство тебе. Елисей, соблюдавший жизнь души своей, возвратил к жизни двух мертвых: одного, – когда сам еще жил в мире, а другого – по отшествии своем отселе. Душа его жила в Боге и сообщала жизнь телу его. И когда разлучилась она с телом, дал он жизнь другому. От Бога заимствовала жизнь душа пророка, и по разлучении её с телом дал он жизнь тому, кто, как и сам он, был мертв. Видишь ли жизнь в останках мучеников? Кто не поверит, что они – живы? Видишь ли, что гробы их полны жизни? Кто усомнится в этом? Это – крепкие твердыни, защищающие от хищников; это – укрепленные города, охраняющие от завоевателей; это – высокие и крепкие столпы для прибегающих к ним, потому что избавляют от губителей, и смерть не приближается к ним. Кто заражен завистью и лукавством, этим смертоносным для души ядом, – тот у них пусть ищет врачевства от этого яда, чтобы не вредил ему. Кто обманывал, – тот молись, чтобы не обманывать больше. Кто крал, – молись, чтобы не красть. Кто далек от любви и исполнен гнева на ближних своих, – проси в молитве помощи их, чтобы примириться с ближними. Кем овладел дух блуда, кто воспламенен нечистой похотью, – да помажется горящим перед ним елеем, и нечистый дух немедленно посрамится и отбежит. Это – врачи, неусыпно пекущиеся о нашей здравии, потому что в себе имеют врачевство жизни, цельбу души и тела, духовное врачевство, исцеляющее и душу, и тело. Одной веры от тебя требуют, а дают тебе все, чего ни попросишь. Если в душе твоей не будет сомнения, то, хотя бы и мертв ты был, получишь жизнь! Бог обитает в костях этих, Им совершают они все чудеса. Хвала Тебе, а нам щедроты Твои, Боже, обитающий в праведниках!

На слова Иеремии: Горе нам, яко согрешихом (плач. 5:16)

Два горьких воспоминания, приводящих в страх и ужас, непрестанно наполняют все мои мысли и содержат меня в трепете. Две ужасные вещи потрясают и мучают меня, в содрогание приводят члены мои и очи мои принуждают проливать слезы. При одном воспоминании о них трепещет душа и, как ни горько вспоминать о них, непрестанно о том только помышляет. От них-то всякий при конце или возвеселится, или восскорбит. Едва только приходят они мне на мысль, как объемлют меня ужас и трепет.

Слушайте же, братия, какие это две вещи, приводящие меня в трепет, и сами вострепещите и содрогнитесь, потому что весьма они страшны для всякого. Это – бремя грехов, какое собрал я, и то правосудие, которое наказывает за них. Вот те две вещи, о которых сказал я, что они непрестанно и занимают, и приводят меня в ужас. Великое рукописание долгов моих и Страшный Суд правды – вот две вещи, которые постоянно в уме моем, потрясают и ужасают меня. Вспоминаю о беззакониях, какие совершил по беспечности своей, и о наказаниях, какие ожидают меня, – и содрогаются члены мои, страх и ужас нападают на меня. Припоминаю в уме своем, как велико бремя грехов моих и как грозно отмщение за них, – и ужас поселяется в членах моих. Привожу себе на мысль те вины, какие лежат на мне, и то наказание, которое уготовано мне, – и сотрясаются внутренности мои, трепещу от скорби и страха.

Вот два горьких воспоминания, как сказал я, они занимают меня, приводят в трепет, вселяют ужас в члены мои. Эти-то воспоминания возникают во мне, исполняют ужасом и всюду смущают меня, действительно глубокую скорбь причиняют сердцу моему. Совесть во мне приводит их на память, рядом выставляет передо мной злые дела мои, и трепетом объемлются члены мои. Припоминаю о грехах юности моей, о сокровенных во мне гнойных струпах порока, – и очи мои проливают слезы, внутренность моя наполняется скорбью, страхом и ужасом. Ежедневно у меня в памяти преступления дней юности моей, потому что не скрыто от очей моих то, что делал я в этом мире. Помню грехи, совершенные мной в молодости, а вместе вспоминаю о правосудии и называю себя злосчастливым. В памяти у меня – все скверны мои и ожидающий меня Страшный Суд, и воздыхание стесняет дух мой, ибо куда уйти мне? Не выходит у меня из мыслей, что посеяно мной, и что будет пожато. Привожу на память день воздаяния, объемлюсь ужасом и трепетом. Привожу на память то время, когда предстанет каждый на Суд, и болезненно мучаюсь, трепещут колена мои, куда мне бежать тогда? Привожу на память тот час, когда Жених придет на брачный пир видеть званых, – и слезы льются из очей моих. Привожу на память то время, когда изведены будут во тьму все облеченные в нечистые ризы, – и сугубо называю себя злосчастливым. Привожу себе на память, что в тот день обнаружатся дела мои, и посрамленный буду стоять перед мирами, – и воздыхания стесняют дух мой. Рассматриваю все тайные дела свои, вижу, насколько они гнусны, знаю, что все будут обнаружены, – и болезнь мучит члены мои. Вззираю на ту ризу славы, какой облечен я в Крещении, вижу, как очернил её грехами, – и трепет наполняет внутренность мою. Вззираю на ту величественную красоту, какой украсил меня Благий при создании, вижу, как обезобразил её грехами, – и скрежещут зубы мои, содрогаются челюсти мои. Вззираю на ту славу, какую при конце наследуют праведники, привожу себе на память страшный огонь, – и сердце мое трепетно бьется от страха. Вижу тот ужас, который нападёт там на грешников, – и члены мои объемлет страх, оковывает трепет, цепенеют от ужаса составы мои, и потрясается внутренность моя.

Обо всем этом, братия, непрестанно напоминает мне совесть моя во мне, в порядке представляет мне преступления мои, и горькой делает ежедневно жизнь мою. Когда рассматриваю все тайные грехи свои, – при всяком грехе восклицаю: «Горе мне!» И ублажаю тех, которые

преждевременно извержены утробой матери и не видели света в мире сем. Лучше – гроб без греха, нежели дневной свет во грехах. Кто здесь совершал беззакония, того при конце постигнет тьма.

Что же мне делать, возлюбленные мои? И здесь и там я злосчастен: здесь по беззакониям своим страдаю от страха, там буду страдать от наказания. Когда грешил я в юности, говорил в уме своем: «Буду стар, – перестану грешить». Так представлял я в мыслях своих: когда охладеет от старости тело, тогда утихнет буря грехов. А теперь вижу, что воля моя и в старости не оставляет грехов. Хотя изменилась плоть моя, но не изменилась воля. И в юности жил я беспечно, и в старости живу так же, поэтому одно ожидает меня при конце – Суд. Грехами обремененные протекли дни юности моей, и вот настали дни старости – и так же обременены беззакониями. Время молодости провел я в служении греху, настигла меня старость, и в тех же хожу грехах.

Странно это, возлюбленные мои, плоть утратила жар свой, а воля моя не оставляет своих навыков. Дряхла от старости стала плоть, изнемогла она, а воля – нет. Убелелась голова, но не сердце; обветшала плоть, а злые помыслы обновляются непрерывно. Чем белее волосы на голове, тем сердце чернее от грехов. Чем немощнее плоть, тем крепче воля на дела беззаконные. Какой в юности была воля моя, такой же осталась и в старости. И юность, и старость проведены мной в беспечности. За старостью следует теперь время смерти, за смертью – воскресение и карающий Страшный Суд.

И если на такой конец приходил я в этот исполненный зол мир, то лучше мне было бы не вступать в него, потому что от него – мое злополучие. Какая была нужда вступить мне в мир, увидеть в нем все худое и вынести из него бремя? Иов, испытав злополучие мира, позавидовал погребенным *извергам*, желал подобно им быть сокрытым в земле, чтобы не видеть лукавого мира (Иов. 3:16). Какая мне польза, что вошел я в этот лукавый мир, где так много противников, так много непрерывных искушений! Но есть Священное Писание, которое возвещает мне Суд и воздаяние. Плотские вожделения понуждают меня ко греху, а Писания устрашают меня. Что же делать мне, возлюбленные, находясь между страхом и вожделениями? Избежать Страшного Суда нет возможности; знаю также, что воздаянием мне будет бедствие. Где же укрыться мне от этого?

Привожу это на память себе, братия мои, и объемлют меня ужас и трепет, томят меня страдания и болезни, скорбь делает мучительной жизнь мою. Каждый час привожу себе это на память, рассматривая сокровенные нечистоты свои, – и тысячи горьких стенаний разрывают мне сердце. Вззираю на день своей кончины, когда прекратятся злые дела мои, но вижу исполненный мрака гроб, – и трепещу смерти. Молюсь, чтобы отойти мне отсюда и смертью избавиться от грехов, но, как скоро вспоминаю о дне кончины, – сотрясаются от страха колени мои. И то и другое тревожит меня, а третье мучает. Все навлекает на меня осуждение, скорбь, бедствие. Останусь ли здесь? Грехи манят меня к себе, и умножаю только вины свои. Умру ли? Они лягут со мной во гроб. Восстану ли в последний день? Мне прямой путь в геенну. Когда рассматриваю все это, – всему предпочитаю гроб, потому что в нем спокойнее быть, нежели здесь, в мире, и там, в геенне. Велика скорбь моя, братия мои, и в этом, и в будущем мире; здесь – грехи и искушения, там – геенское мучение. Здесь подавляют меня искушения, а лукавый покрывает нечистотами; там будет мучить меня сокрушение о том, что сделал я в мире сем.

В день Суда всякого обьмет ужас, потому что в день этот будут сокрушаться все, кроме только единого великого сонма совершенных. Всякого, кто ниже их и не достиг меры совершенных, упрекать будет совесть, – почему и он не таков же, как те. Всякого чина люди, не достигшие степени совершенных, будут скорбеть о том, почему не сравнились они с достигшими высоты.

А я и подобные мне будем не только сокрушаться об утрате Царства, но болезненно, с громкими стенаниями вопиять об избавлении от огня. Ибо инакова (разная) скорбь у того, кто

лишился благ Царства, и инакова – у того, кто терпит наказание и вопиет от ударов. Если будут там сокрушаться и те, которые не пришли в меру совершенных, что станем делать в этот день мы, которым должно мучиться в огне?

Как жесток будет тот огонь, о котором говорит Писание, сужу по здешнему огню, по мучительности его пламени. А тамошний огонь вверженным в него, без сомнения, причинит боль несравненно большую, нежели огонь здешнего мира. Твердо знаю, что огонь оно́го мира гораздо мучительнее огня здешнего; это всякому, без сомнения, признать должно за истину и принять с верой. Здешний огонь как ни силен, вместе с пламенем издает и свет; а тамошний огонь поедает, и вместе с тем он – страшная тьма и ночь. Здешний огонь поедает пока есть у него пища, а как скоро не стало, что пожирать ему, сам истребляется, тухнет и исчезает. А тамошний неугасимый огонь не истребляет пищу свою; ему заповедано – не истреблять, а только наказывать и мучить. Огонь мира сего, пока горит, распространяет от себя и сияние; а тот горит – и от него только глубокая тьма и скрежет зубов. Он поедает, опустошает, попадает в чуждой всякого света тьме и мучает, не угасая, потому что, как написано, он вечен.

Это-то, братия мои, привожу себе на память и горько въздыхаю, ибо известно мне, что за тайные мои беззакония один огонь ожидает меня. Это страшное определение Суда непрестанно у меня в памяти и злосчастной называю жизнь свою, потому что ужасное страдание готовится мне! Представляю себе вместе и то посрамление, какое ждет меня там, потому что перед всеми мирами и тварями обнаружатся тайны мои. И кто ни увидит меня, с удивлением будет смотреть, что в таком я унижении. Там не таким увидят меня, каким представляли здесь. Здесь они думают, что и внутренне я такой же, каким кажусь по наружности, а не такой, каков я на самом деле. А там увидят мою черноту, которая в этом мире сокрыта была внутри меня, и изумятся в недоумении и удивлении при виде таившихся во мне гнойных струпов. Как терния, вяжутся там им худые мои дела, какие посеял я здесь; обнаружатся тайны мои, и подивится мне всякий. Как при солнечном свете, увидят там те скверны, какие тщательно таил я в себе. Как при дневном свете, сделаются ясно видными все злодеяния мои. Все вины, которые скрывал я в себе, предстанут там перед очами всех, и в день Суда увидят их все народы, как при ясном солнце. Всякий узнает там все грехи мои, ни одно мое худое дело – ни большое, ни малое – не будет забыто. Там будут прочтены и припамятованы мне все вины и грехи мои, потому что все дела мои замечены и записаны в книге.

Соделанные мной худые дела приводят меня в ужас и трепет, и непрестанно я плачу, братия мои. Ибо что ожидает меня в оном веке? Собственная совесть моя уверяет меня, что ничего не сделал я доброго. А таково будет мне и воздаяние в день Суда, потому что собирал я себе худое сокровище. Увы мне, когда в последний день встретит меня там все это – и огонь, и тьма, и мучение, и великое посрамление перед всеми! Горе мне там, когда Жених с гневом воззрит на возлежащих! Куда бежать в то время? Где укрыться? Горе мне, когда повелит Он служителям Своим связать меня по рукам и по ногам и удалить с вечери, когда увидят, что одежды мои нечисты! Горе мне, когда отлучат меня от овец одесную, и поставят с козлищами ошуюю, и извергнут вон! Горе мне, когда увижу, что святые в наследие приемлют блаженство, а мне во пламени в удел горе! Куда мне бежать в это время? Горе мне, когда в стыде и трепете буду стоять вдали, не смея возвести очей и воззреть на Судию! Горе мне, когда Жених отречется там от меня; скажет, что не знает Он меня; затворит предо мной двери и ввергнет меня в геенну! Горе мне, когда в глазах моих та и другая сторона получают свой удел и затворена будет дверь Царства, и каждый примет наследие свое! Горе мне, когда произнесено будет неременное определение обо мне, затворятся предо мной двери, и я должен буду остаться вне, со скорбью проливать слезы и скрежетать зубами.

Это-то, возлюбленные мои, непрестанно и приводит меня в ужас и трепет, как скоро обращаю взор на тайные грехи свои и начинаю рассматривать дела свои. Это-то страшное воспоминание о грехах своих и о дне Суда в трепет приводит члены мои и ужасом наполняет

внутренность мою. И вот что непонятно, возлюбленные мои: хотя знаю я все это, не сокрыто от очей моих, что приобретаю себе, однако же делаю всякое худое дело. Знаю, как горько будет воздаяние мое, и делаю дела нечестивые; знаю, в чем состоят добрые дела, а делаю то, что худо. Читаю духовные книги, Писания Самого Духа Святаго. Они возвещают мне о Суде и наказании, о чертоге света и о Царстве; читаю, – и не исполняю, учусь, – и не могу научиться, сведущ я в книгах и Писаниях, – и весьма далек от исполнения своих обязанностей. Читаю Писания для других, и ни одно изречение не входит в мой слух. Наставляю и вразумляю несведущих, себе же самому никакой не приобретаю пользы. Раскрываю книгу и, пока читаю, вздыхает мое сердце, а едва закрою – забыл, что написано в книге. Как скоро книга скрылась с глаз, так скоро и заключающееся в ней учение исчезло из памяти.

Что же делать мне, возлюбленные мои, с этим миром, в который вступил я, и с этим многобедственным телом, которое влечет меня к вожделениям? Ибо Писания ужасают меня Судом и воздаянием, а вожделения принуждают меня творить дела плоти. Подлинно, я – между Судом и страхом, поэтому непрестанно оплакиваю жизнь свою. По справедливости ублажаю изверженных матерней утробой и преданных земле младенцев, не вступавших в этот бедственный мир и не вынесших из него никакого бремени. Кто хочет в мире жить праведно, обрести себе покой, избавиться от борьбы и Суда, тот постоянно ведет брань и терпит нападения. Но плоть и слышать не хочет, чтобы я здесь боролся и вел добродетельную жизнь. А как скоро предамся плотским вожделениям – горькое мне будет воздаяние при конце. Поэтому, Господи, в кущи Твои бегу от этого лукавого мира, от этой злой плоти – причины всех грехов. Поэтому говорю с апостолом Павлом: «Когда избавлюсь от этого *тела смерти?*» (Рим. 7; 24).

Но когда мучила меня такая мысль и лютая болезнь сожгла мою внутренность, – произошло во мне новое движение, рассеяло сердечную мою скорбь. Незаметно возникла в уме моем одна утешительная мысль, подала мне добрый совет и, как бы за руку взяв, привела меня к надежде. Предстало в духе моем (видел я) утешительное покаяние. Оно как бы на ухо изрекало мне одно прекрасное обещание и, утешая меня, говорило: «Если печалишься ты как грешник, – бесполезна твоя печаль. К чему печалиться тебе, грешник?» – «Да, – отвечал я, – жгут и мучают меня и скорбь, и плач бесполезный, при виде множества грехов моих впадаю в безнадежность». – «Выслушай, грешник, – нашептывая в уши, сказало мне покаяние, – выслушай спасительное слово, совет, который подаст тебе жизнь. Будь внимателен, покажу тебе, как должно тебе скорбеть, и скорбь твоя будет полезна тебе, и плач твой сделается спасительным для тебя. Не впадай в отчаяние, не предавайся совершенной недеятельности, не печалься безутешно, видя свою вину, и не отлагай попечения о своем спасении. Господь твой милостив и благосерд, желает тебя видеть у дверей Своих; радуется, если приносишь покаяние, с радостью приемлет тебя. Все множество неправд твоих не исчерпает и малой капли Его милосердия, и благодатью Своей очистит Он владычествующий в тебе грех. Море беззаконий твоих не противостанет и малому дыханию Его щедрот, неправды целого мира не превзойдут моря благодати Его. Если доселе ходил ты во грехах, то удержишься от неправд, ударяй в дверь Его, и Он не оставит тебя вне. Не думай, что слишком велико нечестие твое, что не будешь принят, если и обратишься. Такая мысль да не останавливает тебя в начатом тобой покаянии. Если видишь множество тайных грехов своих, это не должно делать тебя беспечным о своем спасении, потому что Господь твой может очистить тебя и убелить твою черноту. Если грех и глубоко проник в тебя, как краска в волну, то, по написанному у пророка (Ис. 1:18), Господь убелит тебя, как снег. Оставь только, грешник, беззакония свои, приходи в сокрушение о грехах, соделанных прежде, и Он примет тебя милостиво. Отложи прежние свои скверны и приходи к Нему, Он примет тебя. В этом я, – сказало покаяние, – тебе порукой, поступи по слову моему, грешник и оскверненный, и Благий Господь примет и, подобно мне, обымет тебя с любовью. Если ты, грешник, будешь плакать и сокрушаться о своих согрешениях, и с верой умолять Господа, Он оставит тебе беззакония твои, и изольются на тебя щедроты Его, потому что жаждет

и желает Он обращения твоего. Любит видеть тебя у дверей Своих Тот, Кто за беззаконников и грешников предал Себя на смерть и поругание. И что сказано мной, грешник, то несомненно так. Но подумай при этом, что тяжки и горьки мучения, какие ожидают делающих беззаконие; страшный неугасимый огонь и червь неумирающий, по Писанию (Мк. 9:44), будут мучить грешников, когда совершится последний Суд. И то знай, грешник, – сказало мне еще покаяние, – что там никакой уже пользы не могу принести я грешнику. Кто здесь не слушает меня и не ищет убежища под моими крылами, тому не в состоянии я оказать помощь в ином веке. Там не примут молитвы моей о грехе того, кто не спешил ко мне и не прибежал под крыла мои здесь. Поэтому для твоей же пользы советую тебе, грешник: пока еще ты в этом мире, приходи ко мне и будешь жив. Вместо тебя я буду умолять благодать о прощении грехов твоих, своими слезами подвигну её умиротворить правосудие. Вместе с тобой приду ко благодати – просить и слезами преклонять, чтобы исходатайствовала милосердие к сквернам твоим. И уповаю на благодать, что услышит она мою за тебя молитву, и пойдет, и подвинет правосудие к твоему помилованию. Сама благодать невидимо возьмет тебя за руку, грешник, и вместе с тобой приступит к правосудию и, умоляя, скажет ему: «Воззри на сего кающегося, страшное паче всего правосудие! Грешен и непотребен был он, но теперь он кается. Воззри на того, кто в страхе и трепете, стыдясь прежних своих скверн, стоит пред тобой и с воздыханиями умоляет тебя. Воззри на стенания и слезы его, на скорбь и болезнь сердца его, и прости ему все преступления его, если не обратится к ним снова. Воззри на него, от болезни сердца своего впал он в отчаяние. Если не будет восстановлен от своего падения, то погибнет. Подай ему руку, пусть услышит от тебя весть о прощении, чтобы восстать и укрепиться ему в надежде быть принятым, когда обратится к милосердому Господу».

Эти-то слова, возлюбленные мои, невидимо начертывались в духе моем после того страха и ужаса, который напал на меня по причине грехов моих. И хорошо я делал, что извел на среду покаяние, которое от немощного сердца моего отгнало скорбь и беспечность. Через это, возлюбленные мои, и всем собратиям моим грешникам указал я средство к утешению, к утверждению себя в уповании и к обращению.

Благословен Благий и Милостивый, Который радуется о нас, если приносим покаяние; без укоризны и с радостью приемлет Он нас по любви Своей! Благословен Благий, у Которого дверь отверста и добрым и злым, чтобы входили в нее, Который и злым, если обращаются они, не затворяет двери благодати Своей! Благословен Дарующий всякому средство, чтобы все приобрели наследие Царства: праведники – добрыми делами, грешники – покаянием! Благословен Предавший Себя на смерть и поругание за грешников, Претерпевший крестный позор, чтобы грешникам даровать жизнь! Благословен Сотворивший нас по милосердию Своему и Снисшедший спасти нас Крестом и паки имеющий прийти, чтобы воскресить нас в великий день пришествия Своего! Сподоби меня, Благий, по благодати Твоей узреть щедроты Твои в день Суда и вместе с праведниками воспеть Тебе хвалу во веки веков!

**На слова из книги пророка Ионы: Востани и
иди в Ниневию град великий, и проповеждь
в нем по проповеди преждней, юже Аз
глаголах тебе. И воста Иона и иде в Ниневию,
якоже глагола Господь (Иона 3:2–3)**

Вот проповедует Иона в Ниневии, Иудей – среди беззаконников. С грозной проповедью вошел он в град, в смятение привел его страшными своими вещаниями. В смущении языческий город от проповедника Еврея; как море взволновался он от Ионы, исшедшего из моря, и обуревается, как волны на море. Вступил Иона в море и взволновал его, вышел на сушу и привел её в смятение. Всколебалось море, когда он бежал; потряслась суша, когда стал проповедовать. Море успокоила молитва, сушу – покаяние. Молился Иона в великом ките, молились Ниневитяне в великом граде. Молитва спасла Иону, молитва же спасла и Ниневитян. Бежал Иона от Бога, Ниневитяне удалились от чистоты. И Иону, и Ниневитян связало правосудие, как виновных. И Иона, и Ниневитяне принесли перед Ним покаяние и были избавлены. Покаяние сохранило Иону в море и Ниневитян на суше. Сам на себе узнал Иона, что кающиеся будут помилованы. На нем самом Благодать показала ему пример милосердия Своего к грешникам, – показала, что как он избавлен Ею из моря, так избавит Она и во грехах погрязший город.

Как море взволновалась Ниневия от Ионы, исшедшего из моря. Отверз уста свои праведный Иона, услышала Ниневия и смутилась. Целый город привел в смятение один еврейский проповедник. Словом стали полны уста его, и возвестил слушателям: «Горе!» В удел им назначил смерть. Убогий проповедник явился в граде исполинов, и голос его растерзал сердца царей, обрушил на них весь город, одним словом отнял всякую надежду, излил чашу гнева. Услышали цари, – и смутились, сложили с себя венцы и уничижились. Услышали знатные, – и пришли в ужас, вместо пышных одежд своих облеклись во вретича. Услышали почтенные старцы, – и главы свои посыпали пеплом. Услышали богатые, – и сокровищницы свои отверзли для бедных. Услышали заимодавцы, – и, разодрав рукописания, стали расточать милостыню. Услышали должники, – и, чтобы не остаться должными, отдали долг свой, а давшие взаем простили долги. Всякий, как должно, заботился о своем спасении. Нет человека, который бы замыслил другому обиду. Все в благочестивом подвиге стараются приобрести душу свою. Услышали Иону тати (воры) и оставили даже то, что им принадлежало. Всякий осуждает сам себя и милосерд к ближнему своему. Никто не осуждает ближнего своего, а всякий судит сам себя. Всякий обвиняет сам себя, потому что всех признает виновными Божий гнев. Услышали убийцы, – и признались, что теперь не страшны им судии. Услышали судии, – и прекратили суд свой; гнев Божий заставил умолкнуть суды их, не хотят уже осуждать правое, чтобы не быть осужденными праведно. Всякий сеет щедроты, чтобы пожать от них спасение. Услышали Иону грешники, – и каждый исповедался во грехах своих. Услышал Иону град непотребный, – и тотчас совлекся своих мерзостей. Услышали его господа, – и возвестили свободу подвластным. Благоговейно выслушали его рабы, – и усугубили уважение к господам своим. По гласу Ионы знатные жены смирились во вретичах. Истинно было покаяние, и горделивые облеклись смирением.

А наше покаяние в сравнении с этим представляется мне не более чем сном, наша молитва в сравнении с молитвой Ниневитян кажется мне не более чем тенью, наше смирение – лишь слабое подобие их смирения. Немногие у нас оставили беззакония свои и в этот пост. Ниневитяне подавали милостыню, а мы? О, если бы хоть перестали делать обиды! Ниневитяне давали рабам свободу, а мы? О, если бы стали милостивыми и к свободным!

Когда Иона послан был в незаконный град, правда Божия признала нужным послать его со страшным для города словом, дала ему грозное определение. Страшный врач и с жестокими врачевствами послан был в болезнующий город, и он открыл, и показал страшные и сильные свои врачевства. Не для того Благость послала пророка, чтобы погубить город, но проповедник не сказал жителям города, чтобы приносили они покаяние. Сие давало разуметь, что всякий больной сам должен заботиться о своем врачевании. Затворил он перед ними дверь покаяния, чтобы видно было, с каким усердием будут ударять в нее. Грозное определение возвестил Ниневитянам Иона, – и они согласились, и признали это определение справедливым, чтобы показать, сколь сильно покаяние к умилоствлению Бога и сколько сокрушения нужно кающемуся, чтобы неотступностью своей получить милость. Причина болезни – грех, собственная своя воля, а не какая-либо необходимость. Страшное слово, грозное, как меч, приводило в ужас, чтобы страх и самого упорного врачевал от греховной болезни. Меч показан больному врачом, пришедшим врачевать; град увидел этот меч и пришел в трепет. Как исполнитель казни, стал врач перед больными, и они, устрешенные, восстали и поспешили к покаянию. Слово Ионы, как меч, отсекло давние недуги. Жезлом врачевал он, и врачевство это стало лучше всяких других врачевств. Другой врач льстит больному и исцеляет, Иона проповедует и врачует жестоким обличением. Приходит мудрый врач сей и посещением своим больных своих приводит в страх. Больной оставляет ложе свое, потому что видит жезл гнева. Здоровыми делаются недугующие плотской похотью. Каждый воздерживается от плотского вожделения и сам для себя становится врачом. Прекратились пиршества у царей и вечера у князей. Когда и младенцы томятся и не вкушают молока, кто будет учреждать пиршества? Когда и рабочему скоту не дают воды, кто станет пить вино? Когда царь облекся во вретисще, кто будет облекаться в пышные одежды? Когда и блудницы стали целомудренными, кто не воздержится от супружеского ложа? Когда невоздержные исполнены ужаса, кто подумает о смехе? Когда веселые плачут, кто будет утешаться шутками? Когда тати начали хранить правду, кто нанесет обиду ближнему своему? Когда целый город в волнении, кто позаботится о своем доме? Брошено золото, и никто не крадет, отверсты сокровищницы, и нет похищающего. И неразумные смежают очи свои, чтобы не смотреть на женщин, и женщины отложили украшения свои, чтобы не соблазнять тех, которые смотрят на них; понятно им стало, что от этого – обоюдный вред; если другие соблазнятся ими, то и самим не будет спасения. Не воспрепятствовали покаянию жителей прекрасные жены, они узнали, что ради их сетуют кающиеся.

Так друг друга врачевали и друг от друга врачевались покаянием. Никто не вводил в грех ближнего своего, всякий старался избавиться от собственной своей неправды, всякий располагал ближнего к молитве и прошениям. Весь город стал одним телом, весь всецело охранял себя. Всякий и ближнего учил не грешить против другого, но старался и его сделать праведным. Никто не молился там только о своем спасении, по все, как члены одного тела, молились друг о друге. Весь город, как одно тело, готовился к гибели. Непорочные не могли надеяться, что останутся в живых без грешников, потому что и добрые, и злые были связаны между собой, как члены. Праведные молились о грешниках, чтобы спасены были грешники; грешники молились о праведниках, чтобы услышаны были праведники; непорочные молились, чтобы принята была молитва праведных.

Прекрасный плач младенцев побудил к плачу весь город, вопль детей привел в сильное движение и сердце и всю внутренность. Пеплом посыпали себя старцы, рвали и на землю повергали седины свои старицы, бесславием облеклась почтенная старость. Дети, смотря на старцев, еще более рыдали и вопияли. Старцы плакали о детях – этой доброй подпоре старости. Рыдали те и другие, потому что все готовились к погребению. Рыдание обнажило головы целомудренных юношей и дев. В середине стоит мать, её окружают возлюбленные её, держатся за края одежды её, чтобы спасла их от смерти. Испуганное дитя бежит на лоно к матери своей; от гнева Божия младенец укрывается у груди, которая питала его молоком. Рассветает

и вечерет день. Считают, сколько еще дней осталось до определенного срока; считают дни, которые протекли; день прошел, и плачут, что умалилась жизнь их, что с прошедшим днем прошла и жизнь. С плачем и слезами спрашивают дети родителей своих: «Скажите, родители наши, сколько остается еще до дня, определенного еврейским проповедником? В какой час, по назначению его, низойдем мы в шеол (ад)? В какой день разрушится этот прекрасный город? Какой день будет последним, и не станет уже нас более? Когда всех нас обымет тьма? В какой день понесется по вселенной слух, что мы погибли, и мимоходящие увидят город, подавивший собой обитателей своих?»

Слыша это из уст детей своих, родители горькими слезами орошают младенцев. И кто спрашивает, и кто слушает – все упали духом. От стенаний не могут говорить родители; скорбь заключила широкую стезю слову, плач возлюбленных удержал слова их. Чтобы не увеличить мучения детей своих, чтобы дети от скорби не умерли прежде назначенного дня, родители удерживают слезы свои, хотя рыдают и внутренне мучаются, не зная, как благоразумно успокоить вопрошающих детей своих. Родители боятся открыть истину, – что день этот недалеко и уже приближается, по слову пророка, и, подобно Аврааму, утешают детей своих пророчеством.

Спрашивал Исаак о жертве: *где есть овца еже во всесожжение?* (Быт. 22:7). Чтобы не отвечать ему с воздыханием и не унижить тем жертву свою, Авраам ласковыми словами удерживал единокровного своего от вопросов, пока не занес нож. Авраам видел, что трудный вопрос предложил ему сын его, но и не умолчал, чтобы не опечалить сына своего, и не выразил скорби, чтобы не со скорбью принесена была жертва. Авраам придумывает, как успокоить своего возлюбленного. Избегая явного, он прорекает сокровенное таинство; не желая открыть правду, – показывает её во всей ясности: боится сказать: «Жертвой будешь ты», – и предсказывает, что будет другая жертва. Сам он уверен, что принесен будет Исаак, но пророчествует, что не он будет жертвой. Уста Авраамовы знают больше сердца; уста, которым должно учиться у сердца, учат самое сердце; молчит ведущий ум, потому что пророчествует язык, и ум, который должен учить мудрости, сам заимствует мудрость у языка. *Аз же и детище пойдем до онде*, – сказал Авраам отрокам своим, – *и... возвратимся к вам* (Быт. 22:5). Думал скрыть истину и произнес пророчество. И действительно: не лжив тот, кто стоит за истину, и слово его делается пророчеством, потому что придумано им к пользе.

Такую же хитрость употребили и Ниневитяне, чтобы успокоить детей своих. Со слезами на глазах говорили они возлюбленным своим: «Бог – благ и многомилостив, не погубит образа, Им Самим сотворенного. И всякий ваятель тщательно хранит сделанное им изображение, кольми паче (тем более) Благий сохранит живой и словесный Свой образ. Без сомнения, дети, не погибнет град, не разорится отечество наше. Угрозой погибели Бог призывает нас к покаянию, страшным гневом Своим обращает нас к чистоте. Сколько раз и вы, любезные дети, терпели от нас вразумления, наказания, побои! И после наказаний делались умнее! Не гнев давал нам в руки жезл. И не для того, чтобы погубить вас. Наказывали мы вас потому, что делали вы проступки, но и радовались, видя ваше исправление. И сами вы понимали, что по любви наказывали мы вас, и сами вы ясно видели, что и по благорасположению к вам наносили мы вам удары. Наказания послужили к вашей пользе, через них вы сделались достойными нашими наследниками. Что оскорбляло вас в наказаниях, то обратилось в великую вам радость; болезненны были удары, но сделались сокровищницей приятного; скорбь ваша заменилась полным удовольствием. По опыту о наказаниях, какие сами несли от мудрого жезла ваших родителей, заключайте теперь, что и Бог, вразумляющий нас Отец наш, к нашей же пользе наказывает нас. Гневно подымлет (поднимет) Он жезл Свой, чтобы и утешить, и умудрить нас. Как мы, родители ваши, делали вам выговоры и наказывали вас, чтобы научить и сделать вас хорошими, причинить вам скорбь и тем доставить вам пользу, так и Бог, Благий и Милосердый, вразумляет и наказывает нас, чтобы через это спасти нас по благодати Своей и излить на нас обильные щедроты Свои. Жезлом Своим доказывает он любовь Свою к нам, в наказании Своим

отверзает нам сокровищницу Свою. Если и вы уверены, что из одной любви наказывали мы вас, то можем ли мы думать, что Бог наказывает нас не из любви? Наказания, какие терпели вы от нас, пусть будут для вас зеркалом: в нем увидите, что и настоящее наказание есть дело милосердия и благодати. Наша любовь к вам и в сравнение не идет с той любовью, какую Бог, по милосердию Своему, имеет к людям. Наша любовь к вам несравненно менее Его любви к нам. И как ни велико наказание Его, но благодать Его – несравненно больше. Всякое наказание Его – дар людям. Утешьтесь же, скорбящие дети, удержите слезы ваши. Страх пройдет, гнев минуется, город скоро утешится, отечество наше возвеселится. Наказующий возрадуется, когда вас, детей Своих, увидит исправившимися».

Это и подобное этому говорили Ниневитяне возлюбленным своим. Желая утешить, прорекли действительное успокоение. И поскольку скоро обратились к покаянию, то прорекли верно: как покаяние свое показали на самом деле, так и пророчество исполнилось самым делом. Но, говоря это, не переставали они плакать и, утешая, не прекращали своего сетования. Страх усугублял пост, ужас – молитву. Разумно рассуждали они: «Если праведники не имеют покоя, то сколько должны скорбеть грешники?»

Поскольку при дверях был конец, то вышел и показался народу царь, в трепет пришел город, увидев его вретище. Кто из вельмож при угрожающем гневе не убоился явиться в виссоне (драгоценной тонкой ткани)? Плакал царь, видя сетующим весь город; плакал город, видя пепел на голове царя; плакал царь о городе, потому что весь он был во вретище и в печали. Плакал весь город, и самые камни стен призывал к плачу. Кто так молился? Чьи молитвы были так усердны? Кто так смирялся? Кто так уничижался? Кто столько очищал себя от скверн, тайных и явных? Кто когда-либо отвергал так удовольствия, столь любимые, как и члены? Кто когда, слыша только слово, терзал так о грехах сердце свое? Кто когда, услышав глас уст, восстенал так духом? Кого когда, по слову убогого, так обымали болезни смертные? Кто когда в покаянии так живо представлял Бога пред очами своими? Кто когда так ясно видел Правосудного, извлекшего невидимый меч Свой? Кто видел великий город весь в вопле и плаче? Кто может снести вопль и плач детей, желавших себе долговременной жизни и узнавших, что жизнь их прекращается? Кто в состоянии снести вопль старцев, искавших себе гроба и погребавших, когда услышали, что город будет разрушен? Кто может стерпеть великий вопль юношей, которые готовились к брачному пиру и внезапно обрекаются на смерть? Кто может стерпеть вопль и плач новобрачных, которые из брачных чертогов должны идти в преисподнюю земли? Кто может не плакать при виде плачущего царя, который вместо царского чертога принужден идти в шеол (ад) и, будучи царем среди живых, сделаться прахом среди мертвых? Не о великолепной колеснице слышит он, но о том, что град его будет разрушен; не об удовольствиях и приятностях слышит он, но о том, что поглотит его смерть; не о покойном ложе, но о том, что и царь, и город внезапно обрекаются в бездну гнева.

Созвал царь воинства свои, оплакивал он воинов, и его оплакивали воины. Исчислял он, во скольких бранях приобрели они победные венцы; напоминал, в скольких сражениях прославились. А теперь он умален, уничижен, и нет спасения и помощи. «Не брань теперь, возлюбленные, – начал говорить он, – не брань, на которую мы, по обычаю своему, пошли бы и, победив, сколько угодно торжествовали. Даже исполины (герои, богатыри) приведены в трепет страшной вестью, какая возвещена нам. Побеждали мы многих, но нас победил один Еврей. В трепет приводили мы царей, а его гласом сами приведены в смятение. Много городов покорили мы, а он победил нас в собственном городе. Мать исполинов – Ниневия утрачена одним убогим. Львица в логовище своем пришла в ужас от Еврея. Ассирия гремела в целом мире, а глас Ионы возгремел над ней. Вот как уничижено семя сильного Немврода!»

Добрый совет дал царь мощным воинам своим, сказав: «Советую вам, возлюбленные, и теперь не ослабевать; будем подвизаться как исполины, чтобы не погибнуть, подобно людям презренным. Кто благодушествует и мужается в опасности, тот, если и умирает, то умирает

как доблестный, а если остается живым, прославляется. Поэтому если и смерть знаменита и жизнь славна, то славный мужеством своим приобретает себе две выгоды, равно как малодушный получает себе в удел двоякое зло, потому что и смерть его позорна, и жизнь его бесславна. Поэтому вооружимся, ободримся, будем мужаться и прославимся. Если и не приобретем ничего, будем, по крайней мере, иметь имя готовых на все. Из древнего предания отцов наших слышали мы, что у Бога есть правосудие, но есть и благодать, что правдой Своей угрожает Он, а благодатью милует. Умилостивим же правду Его, и прославит нас благодать Его, потому что если умилостивлена бывает правда Его, то готова вспомоществовать благодать Его. Если умилостивлена бывает правда Его, то на всех изливаются щедроты Его. Если и разгневанной останется правда, то молитва наша не будет осуждена; если и не умилостивлена будет правда, то моление наше не будет укоризненно. По правде ли, по благодати ли Божией, но покаяние отринуто не будет. Уготовим себе, возлюбленные, новое оружие для нового града. Призваны мы к невидимой брани, возьмем же себе и оружие невидимое. От предков, которые возвещали миру истину, слова и славные деяния которых дошли до нас по преданию, слышали мы, что человечество не лишено разумной рассудительности; по всему миру распространилась молва о праведниках, которые так спаслись. В целом мире известно, что безрассудный подвергается осуждению. Слышали мы также, что нечестивые за дерзость свою были истреблены. Как в зеркале представлено, что всякий, кто бесстыдствовал, был посрамлен. Это явлено напоказ всему миру, но возвещено также и покаяние, чтобы те, кто слышит о нем, к нему обращали взоры свои. Покаяние показано на земле, чтобы взор свой обращали к нему грешники. Кто не знает о страшном потопе? Недалеко от нас событие потопа, бывшего во дни Ноя, когда по мановению правды погибло в водах все человечество. Не лишено оно было рассудительности, и не отнят у него был разум. Но поскольку, дети мои, жившие во дни Ноя, даже и имея разум, нечестивовали, то и заслужили осуждение. И там была проповедь о грядущем потопе, но нечестивые слушали и все более прогневляли Бога, потому что смеялись над проповедью. Стук секиры и долота возвещал о потопе, звук режущей пилы громко вопиал о наводнении, но они посмеивались (издевались) стуку секиры, глумились над стуком долота, пока не был построен ковчег и не открылось карающее правосудие. Когда же открылось правосудие, – бесстыдная дерзость подверглась осуждению. Разверзлись источники водные и возревели на глумившихся нечестивцев, восшумел вдруг потоп на посмевавшихся нечестивцев. Глумившиеся над стуком секиры наказаны гласом громов, смеявшиеся над звуком пилы ослеплены блещущими при громах молниями. Устремились они к ковчегу, над которым смеялись, но заключил он двери свои для смеявшихся над его построением. Не будем же, братия, пренебрегать словом Еврея Ионы. Не с презрением должно нам взирать на его проповедь, но рассудительно её рассмотреть и со всех сторон внимательно исследовать.

Слово проповеди его привело меня в великое недоумение. Можно бы посчитать её дерзостью, признать безумием, и его назвать человеком безумным, но он – великая сокровищница мудрости, ведения и разума, обильный источник ума. Презрен и прост вид его, но велико и достойно уважения слово его. Предлагал я при вас ему всякие вопросы, чтобы, как в огне, испытать все, что он ни скажет. Но не вострепетал и не убоился он, не пришел в замешательство, не смутился, не изменил слов уст своих, как связанный самой истиной, не уклонился от дела своего, твердо держа его в памяти. Искушал я его лестью, но он не прельстился; утрашал его, но он не убоился. Показывал ему богатство, – он смеялся; показывал меч, – он еще более смеялся; презрел он меч, еще более презрел дары. Иного можно прельстить сокровищами, иного можно утрашить мечом. Его ни наказание не утрашило, ни дары не прельстили. И ласками, и угрозами действовали мы на этого Еврея. И те, и другие не имели над ним силы, и посмеялся он ласкам и угрозам. Показывал я ему богатство, но он посмеялся над ним. Над мечом поругались уста его, побеждено им сребролюбие и презрен страх смерти. Всякое сказанное им слово как мечом рассекало камни. Не утрашился он и могущества моего, не уважил

славы моей. Всю славу мою вменил он не более чем в умет (помёт), извергаемый на землю, презрел наше богатство, еще более посмеялся над нашим мечом. Как будто из меди уготовал он себе чело и пришел в страну нашу. Ничто не могло заставить его уважать царское наше величие. В слове его, как в зеркале, усматриваем мы скверны свои. Видим в нем и Бога, Который угрожает нам за скверные дела наши; видим в нем и правду, которая прогневана нашими грехами; видим в нем, что град наш постигает решительный приговор суда. Видим, что проповедь его исходит из уст праведного.

Это – не выдумка, не изобретение хитреца. Если бы проповедовал он мир, то можно было бы подумать, что это – выдумка и проповедует он доброе, чтобы получить за то хорошую награду. Кто любит выгоды, у того предсказания благоприятны, и обещание прорицающего из жадности к прибыли – пустое обещание. Халдей, страдая от голода, называет благополучным час рождения, чтобы больше получить от неразумного. Он предрекает богатую долю не с намерением что-нибудь дать, и действительно ничего не дает, но обещанием богатства хочет пленить человека и взять у него даже то, что тот имел. Только правдивый врач говорит больному правду. Придя в дом к больному, без скрытности объявляет о мучительных прижиганиях; не боится сказать страждущему, что нужно вырвать зуб; не боится и царю открыть свое мнение, не страшится и сыну цареви предложить в питье сильно действующее лекарство; не боится и страшного человека, когда производит перевязки и сечения; не трепещет и сильного, когда крепость его расслабляют прижиганиями. Кто назовет лжецом такого пророка, который возвещает гнев? Не обманщик тот, чей голос приводит в такое смятение. Если слово его жестоко, то дух его – правдив. Хороший врач, хотя и не знает страха, однако трудится за награду. А этот Еврей выше врачей, он не хочет и хлебом насущным пользоваться из нашего города. С того самого дня, как пришел к нам, строгий ведет пост и скорбит. Кто же понудил его без всякой для себя выгоды проповедовать нам великий гнев? Почему не боится он проповедовать это в нашем городе? Слышали мы от Евреев о Моисее и Илии, что постились они, пребывали без пищи по сорок дней. Неужели и этот пророк Еврей назначил себе такой же пост? Если праведник сей постится, то станем поститься и мы, согрешившие. Если святой сей молится, и нас да смиряют вретиче и пепел. Может быть, постится и молится он, чтобы не оказаться перед нами лжецом, и того домогается, чтобы город действительно разрушился и была верна его проповедь. Поскольку он вооружается на нас постом, то и мы постом будем с ним бороться. Да и не с пророком будем мы бороться покаянием, потому что не он причиняет нам зло, но грехи наши; не этот Еврей разрушит город, но нечестие наше. У вас, возлюбленные, есть иной невидимый враг, и с ним надобно бороться мужественно.

Известно нам сказание о древнем праведнике Иове; вероятно, и бессловесные животные слышали о славных деяниях его. Испытание, какому подвергся он, как труба возглашает на земле победу его. Предание отцов наших гласит, что сатана был его обвинителем. Если же древнего праведника обвинял лукавый, то не тем ли паче отверзает он уста свои на обвинение грешников? Злоба его на праведников и грешников различна, правда, но вместе с тем и одинакова. Праведника преследует лукавый, чтобы как-нибудь сделался он грешником, а грешника убивает, чтобы как-нибудь не обратился. Он разрушил храмину сыновей Иова, смешал кровь их с питием и чаши их с телами их. И пиршественные утвари, и дом низринул он на обитателей. Может быть, ему же попущено разрушить и наш град, и наше отечество. Царей в броне побеждали вы оружием, сатану преодолите молитвой. Поэтому пусть выходят полки ваши на брань с ним. Броню свою снимите с себя и бросьте, вооружитесь же против него вретичами (покаянными одеяниями); сокрушите и бросьте лук свой и прибегните к молитвам, отриньте слабый меч и изберите меч победоносный. Одно лезвие поста может отсечь тайные неправды нашего города. Ничего не значат победы, приобретенные вами во брани. Если одержим победу теперь, победа эта будет выше всех. И поскольку я распоряжался теми бранями, то пусть и в

этой жестокой брани буду первым. Вооружитесь же, подобно мне, и выходите на брань, возлюбленные мои воины».

Востал царь, совлек с себя пышные ризы свои, и все совлекли с себя одежды свои. Поспешил царь облечься во вретиче, и все, подобно ему, облеклись в печальные одежды. Ассирияне, любившие украшаться великолепием риз, внезапно явились в печальных одеждах, и волосом вретич своих изобразили тайну Иакова. Поскольку избрали себе сетование и предались ему, то покаяние препобедило. Одержан верх над сатаной, как над Исавом; над учителем – так же, как и над учеником его; победителями стали Ниневитяне, как Иаков, ученики – так же, как и учитель.

Царь созвал военачальников своих, вывел и осмотрел войско свое. По всему воинству пошли провозвестники и говорили: «Всякий да принесет покаяние. Оскверненный да совлечется скверны своей, чтобы не быть ею побежденным во брани. Корыстолюбивый да отринет скупость свою, чтобы не прийти в смятение во время битвы. Гневающийся на ближнего своего да примирится с ним, чтобы примирился с ним прогневанный Правосудный. Да не будет вражды в сердце, чтобы не было препятствия избавлению. Да не выходят из уст слова раздора, чтобы город наш получил благословение от Божиих щедрот. Никто да не угнетает и не притесняет, не клянется и не обманывает, чтобы самым делом не испытать справедливости грозного определения, какое произнесено на нас. Разорвем узы, которыми связано сердце наше, чтобы не было препятствий нашей молитве. Никто да не вожделевает греха, чтобы не постигло нас сугубое наказание». Это и подобное этому провозглашали в великом городе провозвестники.

В глубоком сокрушении стоял царь, и город призывал к такому же сокрушению; назначив своему войску пост, дал ему истинное оружие; призвал войска свои к молитве, в которой все спасение; провозгласил, чтобы все молились, то есть дал лук, стрелы которого победоносны; дал броню, которая прикрывает во время нападений; дал меч, страшный в руке того, кто имеет его.

Так устроив и славно вооружив войска свои, обратился царь к городу, чтобы вооружить и мужей и жен, и чтобы весь народ мог подвизаться и спасать себя. Вретичем своим показал он и городу пример, как вооружиться вретичем. Хитрый ловец, сын исполина Немврода, перестал поражать зверей, и вместо пустынных зверей поражает скверны народа своего. Не в дебрях преследует добычу, но город очищает от беззаконий; оставил зверей вне города и внутри его поражает беззакония. Презирает желчь змиев и постом услаждает дух свой. Вместо великолепной колесницы, – пешим ходит по городу и возбуждает весь народ к покаянию. Обходит царь места сокровенные, чтобы и их очистить от скверн. Уничижено ходит, чтобы подкрепить пришедший в смятение город, и уничиженным хождением посеивает (сеет) мир на стогах.

Дивится, видя сие, Иона. Стыдится за народ свой, видя торжество Ниневитян. Восплакал он о семени Авраамовом, видя, что семя Ханааново – благоустроено, а семя Иаковлево безумствует; видя, что необрезанные обрезали сердце свое, а обрезанные ожесточились сердцем. Величавшиеся субботаами презрели обрезание и сделали его ни спасающим, ни умерщвляющим.

Царь Ниневийский знает, что причина гнева – беззаконие, и отсекает вину зол; и тотчас бури престали. Врач, посещающий город, знает, какое врачество потребно для него. И постом, этим славным врачеством, врачует болезнь города, вретичем и пеплом изгоняет из города грех. Поскольку Ниневитяне оставили грехи свои, то Благий усугубил благодать Свою. Они отказались от достояния и от прибытков, – и спаслись, и град их, и отечество. Иона требовал с них отдать долги за преступления, пост простил им грехи. Ниневитяне совещались в собраниях своих, как им спастись, и весь народ наложил на себя пост, чтобы умиловить им Бога.

Кто возвестил Ниневитянам сокровенные Божии тайны? Кто возвестил, что пост может переменить грозное Божие определение? Иона не возвещал им сего; он боялся, чтобы не были они прощены. Иона проповедал Ниневитянам, что определение суда непреложно. Они пове-

рили словам Ионы и, однако же, отвратили от себя грозный приговор. Как мудрые, уразумели они, что такое Бог и что такое человек; поняли, что человек – всегда человек, а Бог – милосерд. Видели они, что пророк строг, но знали, что Бог милостив; не прекословили строгому, чтобы умилостивить Милосердного; пророку предоставили правду, а Богу – благодать. Иона отнял у них надежду, но пост усугубил их упование. Иона растерзал их сердце, но молитва подкрепила их дух. Сильно воспламенен был гнев, но вретища охладили силу его. Облака распростерли густую мглу, но при виде вретищ они рассеялись. Мрачен был воздух, но покаяние сделало его светлым. Жители Асии вострепетали, но их подкрепило воздержание. Потрясенный город готов был пасть, но поддержала его щедрая милостыня. То же богатство, которое умножало преступление, и загладило грехи. Младенцы сохранились на руках матерей, потому что научились посту и молитве. Старцы возопили в своих вретищах, и поддержали жизнь свою. Поскольку юноши болезненно восплакали, то сохранили брачные венцы свои. Поскольку невесты облеклись скорбью, то чистым соделали чертог свой. И животные, лишаемые воды, взывали каждое по-своему. В неслыханный дотоле вопль слились голоса людей и животных. Правда услышала вопль их, и благодать избавила город от дня, предвозвещенного Ионой. Смятение не прекращалось, молитва была постоянна, пост следовал за постом, вретище усугублялось вретищем, пепел присовокуплялся к пеплу. Не переставали там очи проливать покаянные слезы, не умолкал там язык, взывая и умоляя о щедротах. Не слыхало там ухо ничего иного, кроме гласов плача и вопля, раздававшихся со всех сторон. Не видели там очи светлого лица и улыбающихся уст. Печальные и сокрушенные непрестанно проливали новые слезы, приносили покаяние, раздавали всякую милостыню. Всякий день совершались там богослужения, ежедневно возобновлялись там великие молитвословия, ежедневно видны там были спасительные моления. И, наконец, по милосердию Божию, открылся там источник всяких утешений.

Мужи и жены облеклись невозбранным для всех целомудрием. Невозмутимая чистота охранялась там постом. Взаимная благорасположенность усладила речь их; единомушие и согласие связали их между собой как члены. И преклонились к ним благодать; как росу источила на них щедроты. Явилась у юношей друг к другу взаимная любовь, у мужей – праводушие к ближнему, у гневавшихся – примирение, у ссорившихся – единомушие, у женщин – тишина и полезное молчание, у старцев – дух миротворения и совета на пользу, у юношей – целомудрие, у дев – скромность, у госпожи и служанки – единомушие. Ни у кого нет там презрительного взгляда, все в убогих одеждах, ни у кого нет там раздражительности, прекратились зависть и гнев. Одинаково благоговение у рабов и царей, одно питание у слуг и господ, один хлеб смирения у богатых и бедных, у наемника и у знатного одинаковая одежда – вретище, весь город несет одно иго – покаяние.

У всех одно дело, чтобы всем получить одно избавление. Ежедневное там рыдание всяких голосов, ежедневное там стенание от многих скорбей, везде вопль от различных болезней. Весь город пришел в смятение от представлявшихся страхований, все роды ужасов напали на целый город. Он весь был в страхе, как птица на зыбкой ветви, и колебался, и содрогался, как трость от ветра. На рассвете дня не думали, что настанет вечер; когда темнело – не чаяли, что воссияет для них утро. Непрестанно была перед ними смерть. Весь народ трепетал, весь город был на краю гроба.

Иона считал дни. Ниневитяне считали грехи свои. Иона вел счет ночам, Ниневия оплакивала неправды свои. Шесть седмиц проводила в плаче, бдении и вопле. Иона пребывал в куще, Ниневитяне плакали во граде. Иона видел слезы их, и много боялся поста их. У него была тень от тыквы, а у них – дневной зной. Разорилась куща его, а их покрыла десница Всевышнего. Видел Иона, как души их, подобно воде, изливаются пред Всевышним; видел, как цари повергаются в прах и постыются; видел, как плачут младенцы, кричат тельцы и агнцы; видел, как матери проливают слезы о детях своих, и лоно младенцев омывается слезами родительниц их.

громом, молния за молнией. Везде трепет и содрогание сердца. Каждый смотрит на землю, думая, что она уже рушится. Все плачут друг о друге, представляя, что вскоре погибнут. Всякий плачет о брате своем, рыдает о возлюбленном своем. Каждый призывает к себе ближнего своего, чтобы взглянуть на него и насытиться лицезрением его, потому что скоро прекратятся их свидания и вместе сойдут они в шеол (ад).

Когда к концу подходили определенные дни, стояли они, взяв друг друга за руки, и готовились к смерти. Настал наконец день, отнявший всякую надежду, день, в который надлежало свершиться гневу; наступила и ночь, последовавшая за шестью седмицами. Все со слезами размышляют: в какой же час разрушится город, вечером ли будет разорен или падет утром? В какую стражу раздастся болезненный глас? Думают, что вечером падет город, – но вечер настал, и город их стоит. Думают, что ночью поглощены будут, но и ночь сохранила их живыми. Думают, что будут они истреблены во время самой глубокой темноты, – но темнота миновала, а они не погибли. Предполагают, что город падет утром, – и утро настало, и возросла надежда! В то самое время, когда почитали себя погибшими, – внезапно настало избавление, и каждый с радостью взирал на ближнего своего.

Сорок дней не переставала земля колебаться. Иона стоял вдали и боялся оказаться лжецом. Наконец прекратились содрогания и колебания. В то самое время, когда исчезла всякая надежда, подана весть о щедротах. И увидели знамение милосердия, увидели в том, что земля перестала колебаться, громы и молнии умолкли. Обрадованы и слух, и зрение. Благий, увидев слезы их, помиловал их жизнь.

Хотя и не умерли они, но велико было мучение их, еще в жизни вкусили они смерть. В эти шесть седмиц мертвым было спокойнее, нежели им, оставшимся в живых. Те же были они мертвецы, только не погребенные. Брат встречался с братом своим и не узнавал лица его; встречался друг с другом и не различал вида его; слух не в состоянии был различать голос с голосом, и глаз также не мог отличить один образ от другого. От страданий уподобились они мрачным теням, от строгого поста сделались подобными обгоревшим головням, от бдений растаяли плоти их, остались только кожа и осто́в.

Когда Иона думал, что город вот-вот падет, в этот самый день и час он был избавлен от гибели. Пронеслись, рассеялись и исчезли внезапно и туча, и мгла. Настала тишина, возросла надежда, и мертвый город воскрес. Великой скорбью облекся Иона, но просияли лица Ниневитян. Всем им подана весть об избавлении, когда увидели, что воздух стал светел. Преклонили колена на молитву, воздели руки к небесам, уста всех возблагодарили и язык всякого восхвалил Того, Кто гневом Своим возвратил им жизнь через покаяние.

Умилостивляя Господа, Сущего на небесах, говорили они: «Возвеселил Ты нас, народ Твой на земле, воздвигнув из праха; даровал нам новую жизнь; в Твоих руках нашли мы встретившие нас блага; не обманул Ты чаяния нашего и от гибели возвратил нас к жизни. В Твоей руке нашли мы ключ покаяния, потому что из Божией сокровищницы подана нам благая надежда».

«Что пользы было бы тебе, Еврей, если бы все мы погибли? Какая выгода была бы тебе, проповедник, если бы все мы преданы были смерти? Какое приобретение было бы тебе, сын Амафиин, если бы все мы умолкли в шеоле? И какой теперь тебе вред, что прославился ты нашим покаянием? Какая тебе скорбь, что исцелил ты нас и весь сонм наш приносит тебе благодарность? Почему печалишься о том, что приобретен тобой наш город? Почему сетуешь, победитель, когда мы, кающиеся, составляем торжество твое? Радоваться тебе должно, что соделался восстановителем, а не разрушителем. Достаточно для твоей радости и того, что возвеселил ты Ангелов на небесах. Радоваться надлежит тебе на земле, потому что Бог возрадовался на небесах. Да возвысит это дух твой, что всякий познал Бога. Да утешит это душу твою, что город и царь чествуют тебя. Воззри на спасшихся юношей и молись о продолжении их жизни. Воззри на детей, сохраненных для того, чтобы возвеличилась память твоя. Благослови

город, избавившийся от угрожавшего ему наказания. Благослови, Иона, отечество наше, ибо оно отныне будет провозглашать имя твое. Шесть седмиц уста твои не вкушали пищи; разреши пост, прекрати сетование. Возвеселись с нами, Еврей, велик настоящий праздник, память о нем сохранится во все роды. Род роду будет возвещать о нашем сетовании и о нашем избавлении».

Это и многое подобное этому говорили Ионе Ниневитяне. Иона сидел вне града; вышел к нему весь город, и все слышат, что Иона вопрошает и сам отвечает вопрошающему. Дух Святой, вещавший устами его, препирал его. Беседовали два лица – Бог и пророк. Слышит весь город, что пророк говорит о тыкке, о себе, о Господе и о городе; слышит, что препирается он с Господом Своим о городе. Слышны в устах его речи двух беседующих сторон. Еврей служит посредником той и другой стороны. Многочисленные сонмы собрались слушать слова пророка. И поскольку говорил он Господу на их языке, слышат, что скорбит он и просит себе смерти, потому что погибла тыква его. А ему отвечает Дух Святой, Который его же устами и его же языком ведет с ним борьбу от лица Божия. Слышат, как Бог говорит ему в защиту города: «Столько скорбишь ты, Иона, о том, что не стало ничего не стоящей тыквы, которую не ты и взрастил. Одна ночь взрастила тыкву, ночь и засушила её; сравни же эту засохшую и погибшую тыкву с этим городом. Пусть она будет твоим учителем, у нее научись благоразумию. На этой ничего не стоящей тыкке познай, что такое милосердие. Тебе жаль тыквы, а Мне жаль города, который чрез тебя стал градом кающихся. Водружаешь ты кушу на земле и вконец истребляешь города; бережешь ничего не стоящую тыкву и ниспровергаешь основной камень. Где справедливость твоя, Иона, когда города равняешь с тыквой? К куще ты добр, а к городу жесток. Тыква, из которой готовится снедь (еда), для тебя важнее вкушающих. Тыква, данная в снедь, для тебя дороже кающихся. По твоему мнению, листья у тыквы лучше разумных людей, ветви и цветы её лучше юношей и детей?»

Слышит это город, и единогласно воздает хвалу Богу, Который за них входит в суд, от лица их ведет борьбу. Посредником делает Бог пророка: он был обвинителем на суде, а стал обвиняемым; оправдал, хотя и не хотел. В ложь обратил Бог слова его, чтобы спаслись жители города. И покаялся Иона, и неживым пребыл Бог. Не скорбят праведники о покаянии грешников, не скорбит и Иона о покаянии грешников. Ему теперь случай возвестить городу об избавлении, и несправедливо было бы умолчать о том. Не знают кающиеся, в каком положении дела их, насколько прогневана правда Божия, как покаяние дарует жизнь. Иона проповедовал, чтобы показать, насколько прогневана правда Божия. Иссохшая тыква громко вещала, как милует благодать Божия.

Окружавший Иону народ громогласно воздал хвалу Богу за все, что слышал ушами и видел очами. Ушами слышали праведника, очами видели тыкву. В тыкке, которая произросла внезапно, видели сверхъестественное знамение. В гибели её научились еще большему, и узнали, что милосердие Божие превыше всего.

С любовью берут Ниневитяне проповедника, несут его на руках своих, как царя, с честью сажают его на престоле и кланяются ему. Многочисленные сонмы кающихся приносят ему дары свои, предлагают от себя десятины, и какие обеты делали во время скорбей своих, все это берут и приносят к нему. Юноши приносят ему кольца, отроки – цепи; дарят ему ожерелья, пояса и щиты. Царь отверзает перед ним великую сокровищницу свою и множество богатств своих назначает ему в дар. Уста всех восхваляют Бога, как Милосердного; уста всех благословляют Иону, как проповедника. Дары и десятины возлагают на колесницу, дают мужей, чтобы с честью сопроводили его в ту землю, откуда пришел. Такие почести возданы Ионе; как царь или как сын царев почтен сын Амафин.

В море носила его рыба, на суше носит царская колесница. В земной глубине был он уничижен, на земле возвеличен. Когда ходил в пучине морской, ему предшествовали рыбы, на суше предшествуют всадники. Восколебал он море, когда нисшел, и сушу, когда восшел. Приведены им в смятение рыбы в море и люди на суше. Страшная была буря в безднах и

великое волнение – в городе. Когда нисшел в волны, – страшные морские животные пришли в ужас. И когда восшел на сушу, – крепкие города принимали его к себе. Огромна была рыба, которая поглотила его, могуществен царь, который принял его. Рыба уготовала ему стезю, царь уравнил путь. Рыбу сопровождали рыбы, колесницу – всадники.

Царь Ниневийский послал впереди вестников, чтобы готовили пророку на пути жилища. Бог указывал рыбе, куда идти, и царь указывал путь, куда препровождать пророка с честью и дарами. С великими почестями шествовал он, все выходили во сретение, с трепетом преклонялись перед ним. Цари трепетали перед ним, как грозным проповедником; страшась проповеди его, умилоствляли его великими почестями. Каждый город, видя его, приходил в ужас, как будто пришествие его угрожало разрушением. Города воздавали ему почести, научившись примером Ниневии. Она стала зеркалом, в котором весь мир увидел правосудие.

Когда Иона достиг земли своей, пределов народа своего, тогда стал отпускать проводников своих, просить, чтобы с миром удалились от него. Он боялся, что увидят они идолопоклонство народа его, что исправленные покаянием язычники развратятся среди беззаконников и научатся нечестию у народа его. Он опасался, что рана, которая закрыта и залечена, снова откроется. Вреден гнусный пример и низких людей, но сколь же более губелен пример того, кто стоит на высокой степени развития и падает? Если вредит и уничиженный беззаконник, то насколько вреднее грешник, который нечестует и не знает стыда? Бесстыдный грешник как бы насильно кладет свою закваску в других, и своей близостью и сообществом доводит и других до дерзости.

Боялся Иона, чтобы его беззаконный народ, предающийся всякому нечестию, не сделал нечестивыми и пришедших добронравных язычников. Но стыдился отпустить их без всякой причины; неприлично было не позаботиться о них. Боялся он вести их с собой, чтобы семя Ханааново не посмеялось над сынами Авраамовыми, придя к ним. Иона поблагодарил сопровождавших его, любезно облобызал их, преподал им святое благословение, мудро наставил, кротко советовал возвратиться, убеждал последовать данному им совету и послушаться слова его. Но сколько ни убеждал он, – не уважили убеждений; сколько ни просил, – не устыдились его просьб; советовал, – и никто не внимал совету; лобызал и отпускал, – и никто не преклонялся.

«С тобой пришли мы в землю твою, чтобы приобрести в ней пользу для себя, научиться добрым нравам, уставам и правилам. В земле твоей научимся мы правде, потому что живет в ней народ благонравный. В ней научимся чистоте, потому что населяют её любители чистоты. У людей славных, которые живут в ней, научимся славным деяниям. Позволь войти, и увидеть мужей светолепных; позволь войти, и увидеть избранных; позволь войти, и увидеть землю, в которой пребывает истинная вера; позволь войти, и увидеть страну, в которую не проникало идолопоклонство; позволь войти, увидеть и восхвалить страну, в которой нет волхвований; позволь войти, и увидеть субботствующих (свободных) от всякого лукавства; позволь войти, и увидеть обрезанных, вместе с плотью обрезавших и сердце; позволь войти, и увидеть блаженных, с которыми не живет неправда! У народа, обличителя других, без сомнения, нет непотребств. Народ, осуждающий порочных, насколько же должен быть сам далек от скверн? Народ, служащий для других зеркалом, насколько же должен быть прекрасен сам в себе? Возможно ли, чтобы научающие посту иноплеменных сами были невоздержными? Возможно ли, чтобы научающие других правдивости, сами были лжецами? Если презирали они нас за грехи наши, то отважится ли кто их презирать? Таких выгод, Еврей, не лишай нас, проводников своих! Ты соделал нас кающимися, пусть через тебя же сделаемся праведниками. В награду за то, что трудились ноги наши, позволь нам войти к народу твоему, заимствовать в стране твоей добрые примеры и принести их в отечество свое; позволь войти, и для своего града взять оттуда добрые образцы; позволь войти, и увидеть юношей, служащих образцом благонравия; позволь войти, и увидеть детей, представляющих собой образец всего доброго; позволь войти, и уви-

деть царей их, чтобы и наш царь уподоблялся им, увидеть их судей, чтобы и в страну нашу принести такой же образец».

Но кто может перечислить все, что говорили кающиеся? Когда все это и многое другое, этому подобное, говорили они, Иона слушал и молчал, к земле поникла глава его, стыдился он за сынов народа своего, потому что были они нечестивы и непотребны. Сыну Амафиину было это прискорбнее истребления тыквы и солнечного зноя, опалявшего главу, когда просил он смерти. Чтобы успокоить себя, осталось ему только бежать, но куда бежать? Евреи ввергали его в большую скорбь, нежели те, которые взяли и бросили его в море.

Как же Иона мог скрыть пороки народа своего? Ту же хитрость, какую употребил на море, привел в действие, придумав предлог и на суше. Когда бежал, то уговорил бывших на корабле взять его. И теперь уговорил Ниневитян расстаться с ним, сказав: «В земле нашей теперь великий праздник, на котором невозможно быть пришельцу; теперь у сынов народа моего праздник, на котором невозможно быть никому из язычников. Теперь великий праздник у обрезанных, необрезанные не должны входить туда, а вы хотя и кающиеся, но необрезанные. Чистый праздник оскверняется присутствием необрезанных. Идите же в покое, возвратитесь в страну свою с миром и приходите, когда кончится праздник; примите совет мой, не отвергните просьбы моей».

Простодушные вняли убеждениям, какие предоставил им Иона; расстались с ним, поклонившись ему и приняв от него благословение. Восскорбел весь сонм. Все плакали, расставаясь с ним, и скорбели, что воспрепятствовал им прилучившийся праздник. А он не столько боялся солгать, сколько страшился, чтобы не отказались они расстаться с ним.

Далеко отошел уже Иона, а они оставались еще у пределов. И увидели перед собой высокую гору, и придумали, и решили взойти на нее немедленно, чтобы хоть сколько-нибудь увидеть землю, к которой приходили. И начали восходить, и уже достигали вершины, чтобы посмотреть на землю обетования, чтобы, хотя и невозможно им теперь войти в нее, не лишиться, по крайней мере, возможности увидеть её. Взошли наконец, устремили взоры свои, увидели всю землю, и содрогнулись, и убоялись. И страшные объяли их муки, потому что на горах – жертвенники, на возвышениях – идольские капища, в рощах – идолослужение, среди дерев – любодейство, на дверях – идольские изваяния, которым кланяются входящие. Числа нет порокам, бесчисленны скверны, при источниках – омовения, при кладезях (колодцах) – очищения, в домах – лихоимства, в садах – прелюбодеяния, на стогнах – волхвы и чародеи.

Взошли еще выше и видят; в домах – бесчисленные жертвенники; одни кланяется истукану, другой творит возлияние демону. На пределах стоят отлитые Иеровоамом телицы: одна поставлена в Вирсавии, другая в Дане, там курится фимиам, совершаются возлияния и жертвоприношения, перед мертвыми телицами закаляют живых тельцов. Каждый в землю кланяется своему истукану, своему идолу. Там – корыстолюбие и подруга его – обида ближнему; там – объедение и сестра его – пьянство; там – сластолюбие и сопряженное с ним прелюбодейство; там – обман и близкая к нему татьба (кражи); там – звездословие и с ним соединенное гадание; там – явная неправда и неразлучное с ней тайное нечестие. Видят там открыто совершаемые грехи, неправду и лукавство жителей: мужи – у блудниц, жены – и мать, и дочь – стоят, как сети, на улицах. Всюду там смерть и се наперсник сатана. Князья – злочестивы, судьи – беззаконны; корыстолюбие их – как огонь, коварство их – геенна, жилище их – ров, дом их – пропасть. Заимодавец – огненная пучина, должник – сатана; оба мучают друг друга, пока не будут отведены на вечное мучение. Дети их клянутся именами богов своих. У язычников – одна доля злочестия, у них – девяносто девять. Кто в состоянии сосчитать великое множество грехов их? Умножилось число грехов у этих козлиц, стоящих ошуюю.

Содрогнулись Ниневитяне, в трепет пришли от нечестия, какое представилось взорам их. И говорят друг другу: «Не сон ли видим? Земля ли это обетования или Содом? Семя ли Авраамово перед нами, или демоны? Людей ли видим, или духов в образе людей? Не сюда

ли перешло и переселилось нечестие, которое изгнали мы из страны своей? Не те ли идолы, которые сокрушены нами там, восстановлены здесь? Не у тех ли жертвенников, которые нами ниспровергнуты, выросли крылья, и они перелетели сюда? Как вожделенна здесь всем та язва, которая прекратилась в нашей стране! Как чествуется здесь звезда, которую мы отвергли! Волхвованию, которое в нашей стране унижено, широкое здесь место. Из всякого окна выглядывает бежавшее от нас идолопоклонство. На дверях у них изглаженные нами дома солнца (или точнее: перепутья солнца, то есть знаки зодиака). Отринутая нами наглость поселилась у них на челе, бежавшее от нас сладострастие водворилось в очах их, видно в зеницах, заметно в ноздрях их. Как чествуют здесь солнце, которому в других местах не кланяются! Как кланяются здесь телицам, которых в других местах презирают! Если кто скажет, что это наша страна или сюда перешло все то, что у нас, то мы ответим, что много здесь и нового. Сквернам числа нет: здесь есть беззакония, каких не бывало в нашей стране. Здесь совершаются грехи, каких не найдешь у нас. Миха сделал четверолицего идола. Медному змию в нашей стране не приносили возлияний и не кланялись. На этом народе лежит проклятие древнего змия. Как живой змий, прокляты они за то, что приносят возлияние змию мертвому. Не приносили мы детей в жертву демонам, а здесь видим, что детей закаляют. У нас в жертву приносили животных, здесь в жертву приносят дочерей. Если таковы покровители сего народа, то столь же лукавы должны быть и нравы его. Если таковы законы сего народа, то еще бесстыднее – дела его. Если таковы отцы их, то, конечно, столь же непотребен и настоящий род. Если таков Бог его, то народ сей – источник идолов. Ужели народ, исповедующий единого Создателя, станет делать и продавать идолов? Они величаются именем, называя себя сынами праведников. По их мнению, достаточно именоваться сынами Иаковлевыми. Безрассудные почитают себя уже святыми, потому что носят на себе имена святых. Имя их – славно в целом мире, но дела их – нечестивы. Думают, что они – праведны, потому что происходят от Авраама. Вся гордость их в именах, в том, что им принадлежит имя Израиля, вся слава их в том, что они обрезанные, а между тем они – грешники, по образу жизни своей не походят на сынов Авраамовых. Для них имя Авраамово и обрезание – важнее веры. Суббота, данная Богом, для них более Самого Бога. Они и Бога укоряют, если отменит законы Свои, готовы предписывать законы Самому Законодателю. Сами – без закона, а Бог у них под законом. Закон ставят выше Законодателя, но не с тем, чтобы хранить закон, а чтобы только винить Законодателя. В глазах их Моисей и пророки менее важны, чем возлияния. Вся слава их – в жертвах, все величие их – в жертвоприношениях. Этим горделивым кажется достаточным – хвалиться курением. Этим слепцам кажется достаточным окроплять себя кровью и нечистотами внутренностей. Думают они, что Бог любит жертвы более, нежели чистую истину, которой Сам научил».

Так покаявшиеся рассуждали между собой и говорили о Евреях. И как пламенно желали прежде войти и увидеть землю, так теперь, насытившись зрением, возненавидели её и с ужасом бежали прочь. Возмущался ум их при виде тамошних беззаконий. Покаявшиеся видели, что Евреи покрыты теми сквернами, которых совлеклись уже они. Язычники отринули идолопоклонство, а этот непотребный народ предавался ему. И говорят друг другу: «Встанем, пойдем отсюда, чтобы и нас не поглотили беззакония сего богопротивного народа. В Ниневии – великая надежда, а здесь – великий ужас. Может быть, вместо Ниневии, спасшейся от разрушения, будет истреблена эта страна. Подлинно, погибший и отверженный этот народ. Нет в нем ничего хорошего, весь покрыт нашими мерзостями. Да возвеличится в стране нашей память блаженного пророка, он – виновник нашего спасения, от него получили мы все полезное». Так говорили они и удалялись со страхом, благополучно совершали путь, радостно возвращались в страну свою. И в истинной радости рассудительно говорили: «Хвала Богу, посрамившему народ сей чрез язычников! Да вознесется Ему глас хвалы от грешников, соделавшихся праведниками! Да принесут ему чистые плоды от оскверненных, которые покаялись и соделались чистыми! Новая хвала да вознесена Ему будет умами, бывшими в страхе! Раздражительные и

гневные да славословят Его за умиротворение. Сластолюбцы да воздадут Ему хвалу и благодарение за то, что уцеломудрены. И притеснители да славословят за то, что научил их милостыне. Да славословят невоздержные, что научены поститься. Да славословят предававшиеся пьянству, что научены пить в меру. Да славословят хищники, что изменились и сделались щедролобивыми. Да славословят блудники, что перестали удовлетворять своей похоти. Да благословляют Его прелюбодеи, что освобождены от сластолюбия. Да славословят своевольные, что сохраняют уже уставы правды. Да восхваляют бесстыдные, что пришли в чувство и смысл. Да славословят Его злоречивые за то, что научил уста их благословлять. Да благословляет Его сирота, для которого стал Он опорой. Да поклоняется Ему вдова за то, что, по милосердию Своему, внял её злосчастью. Да благословляет Его нищий, наполнивший кошицу (корзину) свою благословениями. Да славословит Его поселянин, умноживший число подъяремников своих и насытивший чрево свое. Да славословит Его земледелец, да воздаст Ему хвалу вертоградарь, да славословят Его художники, трудящиеся над делом своим. Да славословят Его цари, видя, что в городах – мир и в державе – тишина. Да славословят воины, что избавились от гибели. Да славословят властители, что снова облечены властью. Да славословят богатые, что снова увидели сокровища свои. Да славословят родители, что возросла надежда их на сыновей. Да славословят и сыны, что видят отцов своих. Да славословят невинные юноши, что продлилась жизнь их. Да славословят младенцы, что есть кому носить их на раменах своих. Да славословят носящие во чреве, что не погиб плод их. Да славословят новобрачные, что вошли в брачный чертог и веселятся. Да славословят матери, что благословлены чадородием. Да славословят питающие, что младенец у груди их. Да славословят девы, что избавились от гибели. Да благословляют судии, что не осуждены по достоинству судов своих. Да благословят Благого истязатели, что не подверглись истязаниям, каким подвергали сами. Да хвалят должники, что не взыскан с них долг. Да благословляют заимодавцы, что разорвали рукописание долгов. Да воздадут хвалу грабители, что не пожали ими посеянного. Да возблагодарят похитители, что сделались вдруг щедролобцами. Да восхвалят Бога, – и кто причинил вред, и кто доведен был до жалкого состояния, потому что возвратились к единодушию. И вредивший – не поражен, и терпевший вред – сохранен. Да возносится благодарение в чертогах, что обитатели их приведены были в трепет. Да усугубится их хваление, что избавились от гибели и продлились лета жизни их. Да славословят и возносят хвалу рабы и рабыни, потому что и тяжкое рабство лучше свободы во гробах. Да радуется и утешается мать, что опять видит возлюбленного своего. Да приносят радостно хвалу все возрасты и состояния, что избавились от истребления и как бы вновь родились.

А наше покаяние, как сказал я, в сравнении с покаянием Ниневитян – не более, как тень. Истинно кающийся – всегда в страхе и во время тишины, когда полон упования, непрестанно помнит о наказании. Раб, которого господин наказывает ежедневно, не забывает ударов его. А кто забывает наказание, как скоро минует его гнев, тот в начале гнева кается, а по окончании делается мятежным, питаясь надеждой, что более не постигнет его беда, и, успокаивая себя тем, что Всевышний не будет более отмщать ему за неправды его. Ниневитяне же от начала до конца всем сердцем приносили покаяние. Весь город ежедневно был в трепете и славословил Бога, весь город уподоблялся обуреваемому кораблю и благословлял Господа. Разумные и неразумные, люди и животные славословили его. И они в радости сердца вместо вретич уготовили себе светлые ризы. Благословен Тот, Кто любит праведников и в Ассирии умножил кающихся!

На слова: И сия рек, гласом великим воззва: Лазаре, гряди вон (Ин. 11:43)

Для того ли теснитесь ко мне, слушатели, чтобы заставить меня говорить? Или слух заключен, потому и язык должен молчать? Жаждете ли вы ныне вкусить вина учения? Или мне перестать, и не растворять пития из точила мудрости? *Жаждающие, идите на воду* (Ис. 55:1), – взывает Духом пророк. Он указал жаждущим, где найти питье. Источник учения с кафедры льется для имеющих в нем нужду. Кто не жаждет, тот не прикасайся к питию, никому не предлагается питье наше насильно. Ежели здесь есть кто, привязанный любовью к призракам этого внешнего мира, то пусть идет отсюда. Сказываю, что мне не нужен такой слушатель. Ежели здесь есть кто, отвращающийся от всего Божественного, то не обязан я говорить ему, как и он не принуждается слушать меня. Кто не может оторваться от зрения суеты, тому будет непонятно, что услышит от меня, и я не умею говорить с ним, потому что любовь его – в сетях языческого сластолюбия. И должны ли мы принимать его к слышанию? Если и придет, что ему слушать? Кто привык слышать сказания о многих богах, тому не покажется приятным мое учение, потому что проповедую единого Бога. Кто громогласно воспевае толпу богинь, тому может ли понравиться, что благовествую о Матери Деве? Кто не Христова кудель, тот да не приближается к поставу слова моего, потому что изрекаемое мною здесь есть дух, и я ищу себе избранных сосудов.

Тебе, Церковь, желаю растворить питье, чтобы ты испила словес моих. Тебе вещаю, чистая, потому что чужда ты всего суетного. Открытым предстает на среду учение, чтобы возвестить тебе истину; не нужно ему чуждых покрывал перед зрителями. Смело возвещается истина с учительской кафедры, не скрывается пред сонмами, потому что не осуждена оставаться в скрытости. В одежде истины предстает на среду учение; в таком виде предлагает вопрос, какой свойствен истине, и ей же свойственными способами говорит о ней и через нее. Если бы намеревалось оно ввести в заблуждение, то ископало бы себе ров, чтобы укрыться в нем, но поскольку оно – истинно и самая истина, то не принимает на себя то того, то другого вида. Если бы оно было в самом деле темно, то было бы ему прилично покрывало, но поскольку оно – лучезарный свет, то предстает на среду открытым и в ясном свете.

Вот и теперь с откровенным лицом предстоит перед вами учение, и вы отверзите слух, чтобы принять его чисто. Чудные зрелища покажу вам сегодня, будьте внимательными зрителями чуда, которое действительно представится очам вашим. Представлю на среду одно из чудес Христовых, которого не могли видеть пророки и которое может видеть один исполненный веры ум. Очистите око ума вашего, чтобы взирать на истину, и когда покажет она, что имеет в себе, воздайте хвалу Богу, потому что сие – чудно.

Предстань на среду и ты, воздвигнутый из тления мертвец Лазарь, приди и поведай о себе Церкви дивное, исполненное чудес сказание. Прииди ты, которого не держат обвитые вокруг убрusy и который, связанный ими, исходишь из гроба, объяви чудесное о себе сказание этому сонму, любителю нового. От гласа Воскрешающего мертвых дрожит голос мой пред вами. С удивлением внимайте, потому что чудно событие это. Говорю об одном только Христовом знамении, и то скажу несколько слов. Ибо все они многочисленны, и даже одного из них не в состоянии я изобразить.

Сын, воскрешающий мертвых, посылается Всевышним немногими примерами проповедать человеческому роду воскресение. Сын Всемогущего Господа приходит к бедному Адамову роду, чтобы восставить его от падения возвещением жизни заключенным во гробах. Сын Царствия посылается овладеть градом смерти, и Он нисходит, чтобы водрузить в нем Свое знамение и соделать его памятником Своей победы. С двенадцатью вождями, которых Он избрал

идти во след Его, покоряет град тьмы, гордившийся своим величием. На умершем Лазаре, который уже смердел, угодно Ему показать могущество Свое, что действительно воскрешает Он мертвых, а не словом только проповедует воскресение. Не кого-либо из отдаленных или из давних родов воскресил Он, чтобы не могли ближние усомниться и спрашивать: «Кто он и чей он сын?» Если бы воскресил Он Сифа, или Еноса, или самого Адама, то можно было бы сомневаться в их воскресении, потому что никто их не знал. Напротив того, воскрешает мертвеца современного, о котором известно было, чей он сын, чтобы те самые, которые предавали его погребению, стали свидетелями и его воскресения.

Одну похитил Он из челюстей смерти, другого исхитил из рук её, а Лазаря изводит из всеразрушающего её чрева. Воскресителю умерших было нужно не только воскресить этих мертвецов, но и исхитить сих заложников из шеола, водрузить там победное Слово, знамение. Всему человеческому роду проповедал Он утешительную благу надежду. Тремя свидетелями, которые воззваны Им к жизни, всех уверил в воскресении. Премудрый избрал и воскресил трех мертвецов трех различных возрастов – отроковицу, юношу и мужа в преобразование родов древних, средних и последних. Он хотел уверить в едином воскресении всего рода – от Адама и до конца; воскресением близких мертвецов подал великую надежду и отдаленным. Древних мертвецов представил Он в Лазаре, средних – в юноше, последних – в отроковице и всем проповедал единое воскресение.

Не кого-либо из минувших времен и поколений воззвал Он к жизни перед неверным народом, чтобы быть свидетелем воскресения, но Лазаря из Вифании, которого и место жительства, и дом были известны, у которого и сестры были живы, и сродники находились близко. Во дни горького рыдания и сильного сетования друзей об умершем, когда противоборствующая истине синагога рассуждала еще о событии смерти его, когда в сонмах Иудеев раздавался еще вопль плачущих о нем, когда друг другу передавали все весть о смерти Лазаря, когда скорбь о нем еще не уменьшилась и слух о смерти его еще не умолк, когда сходились все утешать сестер о брате, когда известие о его смерти соделалось несомненным, и погребение известно стало многим, когда в доме умершего совершался еще плач и оплакивали его знакомые, тогда приходит воскреситель Господь явить Свое могущество, и не только воскресить Лазаря, но и всех утвердить в уповании. В одном мертвце дал всему миру преобразование воскресения; и в области мертвых водрузил знамение жизни. Сперва попустил тлению коснуться умершего, и только потом приходит воздвигнуть его, чтобы смердение его уверило всех в его смерти, а возвращение к жизни – в общем воскресении.

Умерший три дня в стране смерти оставался невредимым, а в четвертый день погрузился в море тления. Смерть вела его три поприща и, когда прошел их, на четвертом поприще, как на последнем, заключила его в бездну истлевающих. Иисус медлил, пока Лазарь не нисшел до конца преисподней, чтобы извлечь его из самой глубины рва и препобедить тление смерти. Смерть взяла и предала разрушению погребенного; наложил на него червь уста свои, тлению предалась плоть его. Погрузился он в ров умерших, погряз в шеоле погребенных, отнесен и ввержен в океан истлевающих. Ветер смерти низринул его в бездну разрушения, чтобы и истлевающих в шеоле возвеселило явленное им воскресение. Иисус попустил ему пасть во глубину смерти и в ней погрязнуть, чтобы туда нисшел воскрешающий глас Его и наступил на главу ада. Смерть похитила Лазаря из обители живых, ввела его в свою твердыню, заключила крепкие врата свои и надеялась, что не будут они отворены; но Иисус медлил и дозволил тлению овладеть плотью, чтобы зловоние от мертвеца ясно свидетельствовало о воскресении его. Всеведущий извещал учеников своих: *Лазарь друг наш усне* (Ин. 11:11). Тем, что сказал прежде, нежели пришел туда, показал Он Свое всемогущество, а тем, что умедлил, пока не начал смердеть умерший, увеличил чудо воскресения.

Отроковицу в доме возвратил Он к жизни и отдал отцу её; юношу воскресил, когда несли его ко гробу; а Лазаря оставил в темнице гроба, пока не стал предаваться тлению, чтобы в

жилище крепкого проник глас Его и воскресил умершего. В доме, на пути и из гроба возвращал Он умерших к жизни, чтобы на всей дороге смерти поставить путевые камни, по всей стезе умерших посеять надежду жизни: и в начале, и в середине, и в конце её явить воскресение. Для того медлил, когда умер Лазарь, друг Его, чтобы, когда тот до конца пройдет путь смерти, уже оттуда воззвать его к жизни. Жизнеподатель по следам смерти шествовал за ней путем её владычества и весь путь её от начала до конца оросил воскресением. *Лазарь друг наш... умре, и радуясь... яко не беж тамо* (Ин. 11:11, 14–15). Известно Ему было, что Лазарь уже предавался тлению и медлил воззвать его к жизни. Когда смерть три дня уже держала мертвеца во власти своей, а на четвертый день черви начали разрушать его образ, тогда Жизнеподатель пришел с учениками Своими в весь (селение) умершего и предававших его погребению спрашивал: *где положисте его?* (Ин. 11:34). Конечно, это дает повод к ухищрениям (хитрым выдумкам) дерзких совопросников, но яснее солнца, что не имел Он нужды спрашивать. А тем, что сказал; *где положисте его?* – хотел подтвердить, что Лазарь действительно был погребен. Спросил не о том, где гроб, но где они положили мертвеца? Знал упорство Иудеев, с каким отрицали славные дела Его, и связал Своим вопросом: «Где положили умершего?» Не о том спросил, где положен или где погребен Лазарь, но, – *где положисте его?* Покажите Мне это вы сами, неверующие.

И Отец предлагает подобные вопросы, и многие говорят об этом, но я в молчании прославляю Его, не входя в превратные исследования. Истина стоит сама за себя, нарядные слова не сильны побороть веру. Простота открытым лицом видит истину, как она есть, и стоит за нее без словопрений, без состязания и утонченных исследований. Что важнее: знать, где гроб? или воскресить смердящего? Поскольку известно Ему и сокровенное, то прежде, нежели пришел, сказал апостолам своим: *Лазарь друг наш усне*. А предававших погребению, как неверующих, спрашивал: *где положисте его?* – чтобы от них получить удостоверение в его погребении и потом уже воззвать его к жизни. Премудрый связал их собственным их показанием, что действительно предали они гробу Лазаря, чтобы, когда воззовет и воздвигнет мертвого, и они стали свидетелями его воскресения. *Где положисте его?* – спрашивал Он, и отвечали: – *прииди и виждь* (Ин. 11:34). Вопрос связал их, чтобы не могли они прекословить.

Сын не менее Отца, потому что вопрошал о гробе. Слезами Своими над Лазарем уверял Он в Своем человечестве. Плакал и проливал он пот, но пот и слезы свойственны человеческому Его естеству и не унижают Его перед Отцом, потому что и Он – воскреситель мертвых, как и Отец. Он плакал, чтобы уверить в Своем человечестве; воззвал к жизни мертвеца, чтобы связать неверующих; молился, чтобы изъявить Свое согласие с Отцом. И сия молитва на гробе не унижает Его перед Отцом. Из этого самого, что сказал Он молясь, можем разуметь, что не имел Он нужды в молитве: *народа ради стоящаго окрест Аз рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси* (Ин. 11:42). Этим врачевал Он дух предстоявшего народа, потому что немощен был дух людей сих и явно сомневались они в том, что Иисус есть Сын Всевышнего. Для того все дела Свои восписывал (относил к) Отцу, чтобы показать, что не хищением Он – Господь и Животворитель. В уничижениях, каким подвергал Он Себя, разумные должны видеть Его любовь. Но здесь не намерен я говорить об этом. Истина сама собой явствует из истории Иисуса Христа, она ясна и без нашего слова. Сын – совершен, как и Отец Его. Единородный – чуден, как и Пославший Его. Он такой же воскреситель мертвых, как и Отец, ибо кто плакал, тот и воскресил. Об этом многое могли бы сказать мы, если бы вы пожелали и если бы видно было, что семя слова нашего не остается не прозябшим в слухе вашем. Но если бы стали вы и отвергать, не перестал бы я сеять.

Не будьте же для слова моего ни камнем, ни большой дорогой, ни тернием. Нива Христова да будет очищена, да не растут на ней плевелы. Она возделана оралом (плугом) Креста, и терния искоренены на ней совершенно. Таинственно уготовили к возделыванию ниву сию благословенные Божии, от терний очистили её апостолы своей смертью и побиением камнями.

Сын Божий страданиями Своими приуготовил орудие к её возделыванию, чтобы игом Креста очистить её от плевел. Твердые камни, какие были на ней, сокрушил Он гвоздями, пронзившими руки Его, чтобы ни одна часть её не осталась не приносящей Крестных плодов. Единый достопоклоняемый посрамил ложных богов, которые, подобно терниям, разрастались на земле, послал на них пламень – апостолов, и попалил их. Горькие плевелы сии искоренены Крестными страданиями. О, если бы сатана не посеивал их снова в нелепых мудрованиях!

Смертным всякого поколения вождедено воскресение мертвых, и здесь, с кафедры, ежедневно проповедуется воскресение умерших. Земная персть, которой Божии щедроты придали человеческий образ, человек тленный, что приятнее для тебя слышать, как не весть о твоём воскресении? Здесь словом и делом преподается тебе учение о твоём обновлении, а на зрелищах у неверных видишь только вымыслы язычества.

Послушай еще меня, еще немного предложу тебе из сказания о Лазаре, исполненного надежд воскресения и утешительного для тебя, смертный. Со вниманием приклони ухо свое к чудному повествованию о Христе, ибо увидишь великую и дивную силу Его в воскресении мертвых. Сильный Сын Всемогущего Господа нисшел из страны Своей, чтобы воскресение мертвых утвердить в надежде, какую проповедал заключенным во гробах.

Вопросил он, и пошел ко гробу Лазаря, как слышали мы об этом, и увидел крепкий город смерти, где тысячи мертвецов. Высоки стены этого царства мертвых, никто из живых не мог перейти через них; врата тьмы заключены для всех мертвецов; крепкие наложены запоры, чтобы никто из вошедших не мог выйти вон. Полон погребенных мертвецов этот великий город; неодолима сия твердыня смерти; нет туда доступа воскресению. Тысячи умерших входят, но не выходит ни один. Смерть уверена, что никакой исполин не овладеет её областью. И слово о жизни – далеко от этого города заключенных; пленники из всех поколений теснятся в чертогах смерти. Связанные, заключенные, пребывают они во тьме. Но вдруг при бездне, полной узников, предстало воскресение: Господь извел из нее одного, – и подал тем надежду всем.

И этот умерший погружен был в глубину всех мертвецов, опутан пленицами смерти, заключен в обитель погребенных, осужден на безмолвие, низринут в многоскорбный шеол, по рукам и ногам связан путами и узами смерти, его состав обращался в прах, его плоть издавала зловоние, и смрад его тления ощущали все погребавшие его. Сестры оплакивали умершего и уже начавшего смердеть брата, множество Иудеев собралось утешать сестер его.

И тогда-то Иисус повелел отвалить камень от двери гроба. И это сделано Им по неизследимой (непостижимой) Его премудрости. Для того неверующим Иудеям позволил открыть гроб, чтобы, отвалив камень от гроба, поражены они были запахом смерти. И смрад от мертвеца для того поразил их по отнятии камня от гроба, чтобы, пока зловоние оставалось еще на одеждах их, увидели они чудо воскресения.

Спаситель встал у гроба, и содрогнулась мрачная обитель мертвых, поколебались стены наполненного мертвыми телами города, близки стали к падению его твердыни. Расторглись крепкие забрала, отверзлись высокие врата, сокрушились все запоры, в содрогание пришли обители его. Раздался глас воскресения – и пали стены. Рыкание юного льва раздалось в шеоле, – и ужас объял смерть. Прекрасный елень наступил на нору змия, – и он предался бегству. Небесный орел огласил криком своим гнездо ястребов, – и они рассеялись. Смерть услышала новый голос жизни, возгремевший у врат её, – и поспешила расторгнуть узы и освободить заключенных, выпустила из рук своих узников, не удерживая идущих вон. Нисшел Вышний с высоты Своей, чтобы от Него прияли люди воскресение, отнял владычество у смерти, чтобы воцарилось над ними воскресение, – и пораженная ужасом смерть дала свободу всему множеству своих пленников.

Но слышит она глас Иисусов: не – «грядите», но – *гряди... Лазаре, гряди вон* (Ин. 11:43), – сказал Иисус. Слово относилось только к одному и не касалось всех; одного только воскресало, но посредством его одного утверждалась надежда на день общего воскресения. Если

бы вместо: *гряди вон*, Иисус сказал: «грядите вон», – все множество умерших вышло бы из гробов вместе с Лазарем. Но Он ограничил Свое возгласие, потому что требовал одного Лазаря, воскресение же всех прочих оставил на конец времен. Если бы и теперь восхотел воззвать: не *гряди*, но «грядите», то не один бы вышел Лазарь, но явились бы все умершие. Для того возгласил Он иначе и из многих воззвал одного, чтобы прочие своим воскресением не упредили последние времена, когда определено им воскреснуть. Глас воскресения возбудил и воздвиг распростертого мертвеца. Явственно назван он собственным своим именем, потому что должен был выйти один. Скимен (самый сильный) из львов Иуды огласил рыканием юдоль мертвых, и глас Его вторгся в сон мертвецов, поял и извел единого, кто угоден был Ему. По гласу Его восстал умерший, и узы шеола не удержали его. Повеяло дыхание жизни, – и воздвигся мертвец. Сказано: *Лазаре, гряди вон*, – и он выходит; за словом последовало дело. По гласу предстало воскресение, и востание мертвеца не замедлилось. Дыхание воскресения изъяло его из среды всех умерших. Едва только повеяло на него дыхание повеления, как встал он из гроба, даже и связанный. Связаны были ноги его, но он пошел правильными и скорыми шагами, прежде нежели ноги освобождены были от обвязания. *Разрешите его и оставите ити* (Ин. 11:44). Видишь, что вышел он из гроба, когда не был еще разрешен, но связанный, увитый, с покрытым лицом, шествовал не колеблясь. Жизнеподатель разрешил его от смерти, но не от связывавших его укромов (пелен), чтобы те же руки, которые обвивали мертвого при погребении, разрешили его и не поругались.

Весьма дивны дела Спасителя нашего, возлюбленные! Ради нашего спасения совершал Он все и творил по воле Того, Кто владычествует на небеси и на земле. Хвала Ему и Пославшему Его, и Духу Святому хвала, поклонение и прославление, а на нас, бедных грешниках, да пребудут щедроты Его во все веки!

Песнопения на Рождество Христово

1

День сей радует царей, первосвященников и пророков, потому что в день сей совершилось и пришло в исполнение все, ими сказанное. Ныне Дева родила Еммануила в Вифлееме, ныне пришло в исполнение изреченное Исаией слово. Там родился Тот, Кто *повесть в писании людей* (Пс. 86:6). Ныне исполнилась песнь, воспетая Давидом. Ныне совершилось изреченное Михеем слово: исшел Пастырь из Ефрафы (Вифлеема) и упас души жезлом Своим (Мих. 5:1–4). Вот воссияла звезда от Иакова, и восстал Князь от Израиля (Чис. 24:17); ныне уяснилось изреченное Валаамом пророчество. Нисшел сокровенный Свет, из плоти Его воссияла красота Его. Восток, о котором сказано у Захарии, ныне возблистал в Вифлееме. Явился свет царский в царском граде Ефрафе. Ныне исполнилось благословение Иаковлево. Явилось древо жизни, даровавшее смертным надежду. Ныне объясняется прикровенное Соломоново слово. Ныне родился Сын, и нарицается имя Ему: *Чудный*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.